

Наталья Тер-Григорян-Демьянюк

«Сильнее смерти»
Христианские основы Религии Рода
Гарегина Нжде.

Буэнос-Айрес 2020
Эл. изд. «Credo»

Ter-Grigorian de Demianiuk, Natalia

Mas fuerte que la muerte : los fundamentos cristianos de la religión étnica de G. Nzhdeh / Natalia Ter-Grigorian de Demianiuk. - 1a edición especial - Ciudad Autónoma de Buenos Aires : Credo, 2020.

Libro digital, PDF

Archivo Digital: descarga y online

ISBN 978-987-45821-9-5

1. Etnología. I. Título.

CDD 001.089

«Сильнее смерти»¹

Христианские основы Религии Рода Гарегина Нжде.

«Неся на себе печать природы и истории, я – армянин.
Мыслями и переживаниями, однако, я – человек, вселенский человек.
Я – друг несправедливо гонимому, брат – угнетённому
и соратник - борцу за справедливый мир от полюса до полюса.
Моё исповедание – человечность и ещё большая человечность».
Я – человек духа». Г.Нжде²

Имя Гарегина Нжде, спустя почти 70 лет после его смерти, продолжает будоражить мир, вызывая приступы ярости у тех, для кого существование Армении подобно кости в горле. Оклеветанный как фашист, в 1946 году он был приговорён большевиками к максимальному для того времени наказанию - 25-ти годам тюремного заключения - и отправлен во Владимирскую тюрьму, где и умер в 1955 году в возрасте 69 лет. Но и этого оказалось недостаточно для его врагов. Тень его и сегодня не даёт им покоя. И они не жалеют сил, чтобы беспрестанно поливать грязью его имя и память, священные для армянского народа, которому он дал дыхание жизни в тот момент, когда народ был обречён на духовное, политическое и физическое уничтожение.

Будучи воином и мыслителем одновременно, он много думал о судьбе армянского народа, ища возможности для его спасения и процветания. Итогом его размышлений и военного опыта стал так называемый *цехакрон*, - то есть *религия рода*, или, как иначе и не совсем верно её называют, *этнорелигия*, которую принято считать «концепцией армянской националистической идеологии», а самого Нжде - фишистом и неоязычником.

Неудивительно, что так его называют враги армянского народа. Но самое печальное то, что свой вклад в подобное утверждение сделала и определённая часть армянской «интеллигенции», держащей нос по ветру и больше думающей о своём благополучии, чем о торжестве истины. Подыгрывая лжи кажущихся всемогущими врагов, она, по словам Нжде, говорила: «*Религия рода пахнет гитлеризмом*», чем причиняла ему большую боль, ибо, как он сам говорит, его религия рода возникла задолго до появления гитлеризма и находится в согласии с Давидбековскими заветами, то есть она преследует иные цели, которые не имеют никакого отношения к гитлеризму.³

Подобные порочащие Нжде лживые утверждения были сделаны в надежде на то, что никто не будет читать его разбросанные в статьях и речах труды и разбираться в том, кем он был на самом деле и чему учил.

Но мы решили лишить их этой иллюзии и, пользуясь его трудами, представить, наконец, каковы были его цели в действительности.

В Священном Писании говорится: «**Глиняные сосуды испытываются в печи, а испытание человека - в разговоре его**», поэтому «**Прежде беседы не хвали человека, ибо она есть испытание людей**». (Сир 27: 5,7)

Это означает также, что прежде беседы с ним *не хули* человека, ибо истинные чаяния его сердца проявляются в беседе.

Увы, побеседовать с Нжде мы не сможем по известным причинам. Но вот слово его, «выдающее помышления его сердца», - перед нами. Оно сохранилось в виде многочисленных писем, заветов, речей и разных тематических произведений, опубликованных в виде книжек, и показывающих нам, кто он был, к какому идеалу стремился и за что боролся, по его собственному выражению, «мечом и пером».

То, что сделано мечом, известно. Благодаря военным подвигам возглавляемых Нжде армянских отрядов удалось отстоять армянскую стратегически очень важную провинцию Сюник, в числе прочих земель обещанную Турции большевиками (видимо, как награду за учинённый ею недавний геноцид армян) в их политике постепенного расчленения и окончательного уничтожения Армении, которая, однако, несмотря на их потуги, едва оправившись после пережитого геноцида, в 1918 году восстановила свою давно утраченную государственность на маленьком клочке её некогда обширных исторических земель.

Однако целью этой работы является не описание военных подвигов Нжде, а суть его *цехакрона* или *религии рода*.

Но прежде, чем перейти к её рассмотрению, поговорим о **причине её появления.**

Как пишет сам Нжде, она возникла на фоне угрозы полного уничтожения армянского рода и Армении, проявившейся с особенной силой после геноцида 1915 года и в следующие за ним годы, когда, по его словам, «*пренебрежённая всеми христианская паства*», «*веками попираемая чужеродными народами*» и недавно пережившая геноцид, «*безразличным мировым сообществом, была, фактически, приговорена к исчезновению с карты мира*». ⁴

Здесь он имеет в виду Лозаннское соглашение 1923 года, позорное для армян и выгодное для турок, составленное так, будто армян вообще не существовало. По словам Крафта Бонара, одним росчерком пера тогда был стёрт с лица земли целый народ. ⁵

Имея в виду именно это соглашение, Нжде пишет:

«Никогда, ах, никогда не аккумулировалось столько стыда вокруг армянского имени, как за последние десять лет». ⁶

Описывая мировую политику того времени, он приводит также слова некоего Лактенского, который сказал: «*убивший лишь одного осуждается, как преступник. Но зарежьте тысячу человек, залив страну кровью и заразив трупами реки, - и вам дадут место на Олимпе*». ⁷

Итак, зарождение идеи о религии рода Нжде связывает с исторической ситуацией, сложившейся вокруг Армении в начале 20-го века и прежде всего с упомянутым геноцидом 1915 года, «*глубокий урок*» которого, по его словам, и продиктовал её необходимость, ⁸ тем более, что бедствия армян продолжились, когда к власти в России пришли большевики, сотрудничавшие с турками. В то время, говорит он, «*когда в нашем отечестве красные могильщики придают земле армянский род и его Бога, и звук их мотыг отзывается за советской границей, в эти скорбные для нас дни (...) турок, получив в Лозанне патент на безнаказанность, с высоко поднятой головой расхаживал под солнцем, обдумывая дальнейшее*

уничтожение избежавших его ятагана представителей армянского народа», в какой бы стране они не находились.⁹

«В эти наши дни, - пишет он, - каждый армянин хорошо знает, что молодое поколение армян находится в одинаковой опасности как в Париже, так и в Тавризе, в Сирии или на Балканах – во всех наших диаспорах, и что для освобождения от сознания такой униженности нуждается в некоей родовой идее - *idé é force*, - оздоровительной для рода, которой и стала религия рода».¹⁰

По выражению Нжде, она зародилась именно в эти «бесславные для нас дни, когда злоеущие совы подстерегали судьбу нашего народа», и стала «спасительным кличем», брошенным горстке выживших армян, окружённой кольцом многочисленных врагов, - кличем, который актуален и сегодня, ибо геноцидные стремления турок продолжают и сегодня, проявляясь в их абсурдных заявлениях об историческом несуществовании Армении, о принадлежности им Еревана и прочих фашистских нелепостях.

Итак, каков был этот клич? По сути он предлагал – и до сих пор предлагает - возврат к роду, к восстановлению родовой религии. Но для того, чтобы понять, что она из себя представляла, рассмотрим сначала, что **подразумевает Нжде под родом.**

Он предлагает множество разных дополняющих друг друга определений рода, но все они сходятся на главном из них, которое ясно указывает, что под родом Нжде подразумевает «прадушу» армян, их «наследственную суть».¹¹ Он называет её «вечным армянином, свидетелем времён и сотрудником Божиим»,¹² его «неизменным телом, созданным из земли Армении божественным гончаром».¹³ И хотя в последнем примере он употребляет слово «тело», под ним явно подразумевает именно душу, потому что, как мы видели, речь ведёт о вечных категориях, а не о временных: «**Род**, - говорит он, - **является больше душой, чем глиной**».¹⁴

Из приведённых слов Нжде ясно, что под родом он подразумевает единство двух начал: **вечной души народа и сотворившего её «божественного гончара».**

Это соединение он иначе называет «духом и кровью народа».¹⁵ Под духом имеет в виду Творца, почему и называет его *арийским*,¹⁶ а под кровью подразумевает проявление души в человеке, ибо именно в неё, в кровь народа, согласно Нжде, вложил Создатель родовой нравственный закон,¹⁷ который и определяет её характер.

Ни в коем случае не выделяя один лишь армянский народ, он утверждает, что первозданной божественной душой, или, точнее, «прадушой», как он утверждает, обладают все народы. И выразителями её являются их лучшие в нравственном отношении представители.

«Народы, - пишет он, - в недрах своих хранят некое качественное меньшинство, состоящее из святых, носителей света и героев, которые живут не собой и не для себя; которые умирают, чтобы не умереть, умирают, чтобы дать жизнь роду. Это меньшинство является духовной аристократией народов – самым большим, неизбывным и бессмертным их богатством.»¹⁸

Таким образом, род, или *прадушу* народа составляют святые, носители света и герои, вокруг которых он формируется.

*«Святой, - отмечает Нжде, - золотой цепью приковывает взгляды человека и народов к звёздам, не допуская их погружения в болото земной жизни и моральное гниение. Носитель света рассеивает тьму, а герой, опираясь на свой победный меч, неусыпно охраняет границы отечества».*¹⁹ - Иначе говоря, святой поддерживает в народе первенство духа над плотью; носитель света знакомит народ с вечными истинами, даруя ему мудрость, а герой жертвует собой во имя народа, то есть во имя жизни его богосозданной прадуши.

Поэтому род, - это «качественное меньшинство» народа, - Нжде называет *арийским*, что значит: принадлежащим и поклоняющимся Творцу,²⁰ как поклоняется Ему Сын Божий, в связи с чем он называет его также «вторым божеством», достойным почитания²¹ после Духа Творца, ибо он поддерживает жизнь народа в святости, следя за его нравственностью, образуя его умственно, обеспечивая справедливость и мир в обществе. *«Без этих божественных личностей – святого, носителя света и героя - народ и человек, - по его словам, - ничего не представляют из себя. Без них не было бы духовной культуры и человеческий род оказался бы приговорённым к грустному животному-растительному существованию».*²²

Из сказанного ясно, что под *родом* Нжде понимает нравственную основу народа, его силу,²³ которая у всех своя, особенная. *«Каждый богосозданный, или арийский род на земле, - пишет он, - призван воплотить определённую добродетель»*²⁴ - и в этом его историческая роль.

А о том, какова эта добродетель, в первую очередь свидетельствует избранная родом религия. *«Чтобы тот или иной род обрисовать с приблизительной точностью, - пишет Нжде, - его нужно рассматривать через зеркало его души, которым является его религия, - пишет Нжде, - потому что приблизительное проявление рода возможно только через его богов.»*²⁵

Как и прочие народы, богосозданным ядром, или родом, определяемым прадушой и живущим в ней Духом Бога, естественно, обладает и армянский народ. Религией его является христианство, а Богом – Иисус Христос, - пришедший во плоти Дух Божий, человек и Бог одновременно, в Котором армяне на подсознательном уровне узнали отца их рода – Хайка. Нжде прямо называет род «*богообразным Хайком*»,²⁶ - легендарным героем-богом, имя которого носит армянский народ. Как я писала в своей статье «О библейских корнях армянского Хайка», Хайк не столько исторический, сколько библейский и эсхатологический герой, который с древнейших времён выводил, выводит и выведет каждого из сынов Своих из Вавилонского плена в страну Араратскую, то есть из падшего мира в библейский рай, начинающийся у истоков рек Тигр и Ефрат, расположенных на том же нагорье и олицетворяющий Царствие Божие. Несмотря на то, что его принято рассматривать как языческого бога, любой внимательный исследователь предания поймёт, что речь идёт о библейском Боге, воплотившемся в Иисусе Христе, который, согласно Апокалипсису Иоанна, освободит сынов Своих из лап Вавилонской блудницы, которую уничтожит духом уст Своих.²⁷

Хотя и на подсознательном уровне, но единство образов Хайка и Иисуса Христа понимает и Нжде, когда, говоря о причине принятия армянами, - первыми среди народов, - христианской религии, объясняет этот факт, как глубинной духовностью армян, так и духовностью самого христианства.

«Духовным было христианство, - пишет он, - и в этом была причина того, что первым в его объятия бросился именно армянский народ, мощнейшим оружием которого всегда был дух».²⁸

«Духовным был и армянский воин почему и считался и считается сегодня наилучшим партизаном востока. Малыми силами он много раз воевал против огромных армий, в самых трудных условиях, полуголодный-полусытый, без каких – либо технических оснащений, без соратников, один и часто полностью отрезанный от мира».²⁹ При этом руководило им чувство рода, заставлявшее его жертвовать своей жизнью ради жизни народа.

Как раз такой жертве и учит христианская религия жертвенности, призывающая жертвовать временным во имя вечного, материальным - ради духовного.³⁰

Армяне, однажды потерявшие понятие о сути своего рода и породнившиеся с язычниками, вдруг с приходом Христа, как уже было отмечено, на подсознательном уровне узнали Своего Хайка в Иисусе Христе и первые приняли христианство в качестве своей государственной религии. На самом деле это был возврат к роду.

Этим объясняется также то, что из всех так называемых «языческих» богов Армении Нжде упоминает лишь двух, собственно армянских богов (ибо остальные были заимствованы у других народов): «праотца» Хайка», которого называет «высшим оком, наблюдающим за народом»,³¹ и «победоносного арийского бога Ваагна»,³² - по сути другое название того же Хайка, или «ока», «трёхкрылой стрелой гнева своего» насмерть поразившего Вавилонского Бела, равно как это сделал библейский Бог, о котором сказано: «Сильна его десница, напрягающая лук, остры его стрелы, пускаемые Им, не ослабеют, когда будут посылаемы до концов земли» (ЗЕздр 16: 13)

Кстати, именно Хайку обязано происхождение слова Арий (библейский Ариэль), ибо имя его состоит из слова *Hair*, что означает Отец-дух, и собирательного суффикса «к» со значением принадлежности Отцу. Таково происхождение международных слов с корнем *air, aero, aire*, указывающим на воздух, воздушность, дух.

Представляя собой народообразующее арийское ядро армянского народа, Хайк олицетворяет также добродетель, присущую, или вложенную в армянский род. Это добродетель героического духа, борющегося с разлагающим душу материализмом и выводящего её из рабства плоти. Именно в этом его историческая роль: в выведении рода своего и всех примкнувших к нему из мира плотского в мир духовный, из многоязычного Вавилона на «одноязычные» высоты Араратского нагорья, - в Царство единого Духа Божиего.

По сути об этой божественной идее, заложенной в армян Богом, и говорит Нжде, подчёркивая, что «принять **верховную власть рода над народом, означает принять верховную власть вечного над временным, духа - над плотью**».³³

Таковым было, согласно Нжде, идущее из глубин тысячелетий самоосознание армян как народа духа.

«Армянин экзистенциален, - утверждает армянская языческая религия.³⁴ «В его экзистенциальности первоисточник нашей великой Надежды и Силы, что на радость турку ещё не осознаёт армянская интеллигенция в своём большинстве»,³⁵ –

иначе говоря, этот «первоисточник силы» - «в вечном армянстве, - понятие, которое нация вкладывает в каждого своего представителя как закон». ³⁶

Вечное означает духовное, неразрушающееся, в связи с чем духовен и закон, живущий, по словам Нжде, «в нашем органическом родовом мышлении, которое у нас на слуху от дедов, а после нас – у наших детей.» ³⁷

Целью всякого рода, определяемого вложенной в него свыше добродетелью, по мысли Нжде, является создание *отечества* для себя, по своему образу, то есть создание той среды обитания, которая была бы для него наиболее удобной. Поэтому Нжде идентифицирует армянский род с землёй Армении. «Армянский род, - говорит он, - это армянская земля, вся из пламени и силы, которая, молча, говорит: я питаюсь теми, кого питаю.» ³⁸

Следовательно, жизнь этой земли зависит от изваянного из неё рода. Биологическая связь между *родом (прадушой)* и землёй такова, что друг без друга они мертвы. «Земля без рода, - замечает Нжде, – всё равно что тело без души», ³⁹ то есть она мертва как отечество. Поэтому, согласно Нжде, так же, как и душа, и «Отечество представляет собой некую духовную реальность, нечто от духа и для духа», ⁴⁰ - то есть нечто от Бога и для Бога. Иными словами, «отечество является самым священным материальным созданием Духа» ⁴¹ для Самого Себя. Поэтому, являясь как бы душой в масштабе, оно так же священно, как и душа человеческая, и объединяет в себе Бога и душу народную, то есть род. Так что его духовная реальность подобна реальности души, которую Бог-Дух создал для самого Себя, для Своего собственного воплощения в ней, и *реальности сада, в который он поместил эту душу.*

Исходя из этого, Нжде говорит, что у его души «две опоры: Бог и отечество» ⁴² - впрочем, как и должно быть у всякой другой души, ибо замечает, что «в нашем мире самые священные заветы всегда заключались для Бога и Отечества: *Deo et Patria!* Одним из таких заветов был завет Мамиконяновцев». ⁴³

Отечество в этом смысле противопоставляется самости, ибо оно предполагает благо всех в равной степени, которого невозможно достичь без духовности.

Поэтому неслучайно, что те, кому в трудные для армян дни приходилось общаться с ними, видели в них этот ярко проявленный арийский, или Божий Дух. Таким, например, видел их Франц Верфель, ⁴⁴ определивший армян как «народ духа».

«Да, мы народ духа», - продолжает эту мысль Нжде, - ⁴⁵ «а о том, кем мы были вчера, пусть говорит сам живущий в веках армянин». Под «вчера», он имеет в виду, конечно же, изначальную суть армянского рода, потерянную сегодня многими, но оставшуюся в свидетельствующих о ней пословицах и поговорках народа. Некоторые из них он приводит, отмечая, что народу было присуще единство духа, ибо он говорил: «Не из одного дома мы были, но был у нас один голос. Ему была присуща родовая нравственность, (- ибо он говорил: -) «Встанем спиной к спине и свернём горы». Он был социально здоров, (- ибо говорил: -) «Господь - хлеб и я с Ним, едите, кто хочет». Он был социально справедлив (, - утверждая, что: -) «Имеющий Бога не беден». Он был идеалистом, (- провозглашая:) - «Ешь землю и золу, но у нелюдя не проси хлеба»... У него было родовое достоинство (- когда он говорил: -) «Пока не устанет, армянин не сядет». Хлеб ленивого он не любил: «споткнёшься, - проверь свою совесть» (, - говорил он). - «Он обладал нравственным

чувством, (- обязывающим помогать прежде всего тому, кто рядом): -) «Оставивший своё дерево и поливающий чужое не имеет ни воскресения, ни прощения» (- говорил он. -) «Он был национально бдительным, (- провозглашая: -) «Не позволю, чтобы кот задушил льва». Он был мужествен (- утверждая: -) «Таковыми мы были вчера – качественной нацией».⁴⁶

Итак, Нжде утверждал, что «армянин был человеком рода, сильным чувством вечного, совершенного, всеобщей справедливости, героического, единства и прямоты»⁴⁷ - рода, которого народ нередко предавал и который тем не менее не давал ему исчезнуть навсегда в тяжелейших условиях его существования.

А быть человеком рода, как уже было сказано и как утверждает Нжде, значит быть арийцем, носителем духа Творца, - то же, что сыном Божиим. Поэтому Нжде уделяет арийству особое внимание:

«Ариец, - говорит он, – это тот, кто дерзает, кто самоотвержен и человеколюбив. Он определяет ход истории. Ему свойственны большое сердце, честность, возвышенное мышление. Эти качества его подобны разным лучам, исходящим от одного и того же солнца».⁴⁸

«Ценности, святости, человечность, идеи, идеалы, духовная сила, язык, искусства, мудрость, любовь к знаниям, предводительство, геройство, слава – всё это, по его словам, - порождения арийского духа.»⁴⁹ Ариец сутью своей «связывает вечное с ежедневным. Он – истинный предводитель, без которого власть и правитель ничего не значат».⁵⁰

Даже более того. Нжде называет его также «великим человеком», которому вместе с тем свойственны простодушие и героизм, который присутствием своим меняет духовную атмосферу окружающей среды. Он, по описанию Нжде, тот, кто придаёт жизни ценность, смысл и возвышенность. Его слово воздействует как огненная искра, зажигая связанные с ним сердца и чувства. Его присутствие облагораживает, окрыляет, укрепляет души. Благодаря ему невозможное становится всего лишь трудным, а трудное – возможным, мечты становятся целью, а цели реализуются. Он меняет психологию народа, его судьбу, его историю. «Великий человек, – заключает Нжде. - это бог с той лишь разницей, что он только в определённые моменты жизни чувствует себя богом и как таковой совершает неумирающие, богодостойные дела.»⁵¹

Здесь следует отметить, что, называя арийца богом, Нжде подразумевает наличие в нём божественной искры, - той латентной силы, которая способна преобразить человека так, чтобы в нём проявился образ Божий. Мысль эта насыщена библейским откровением о том, что человек создан, чтобы быть образом и подобием Бога, то есть он создан для воплощения Бога, как сын Божий, как сосуд, носящий в себе Дух Божий (или арийский), - то есть он создан, чтобы быть Самим Святым Богом. Эти слова Нжде напоминают другие, сказанные Иисусом Христом тем, кто обвинял Его в отождествлении Себя с Сыном Божиим, а значит с Богом: «**не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?**» (Ин 10: 34)

Как носитель духа Божиего, ариец абсолютно независим духовно, и поэтому не идёт вослед человеку, а идёт лишь вослед Духу Отца своего.⁵²

Он тот, кто всецело предан воплощающей его прадуше народа, ради которой готов на любую жертву, в том числе готов пожертвовать своим смертным телом во имя вечного..

*«Только подобным, - говорит Нжде, - способным на высшую преданность, дано ощущать бессмертность своего духа, и в этом их святость, их неуловимая нравственная власть над всем тем, что низменно, подло, преходяще и брэнно в жизни человека».*⁵³

Его абсолютная независимость сродни той, имея в виду которую, Иисус сказал: **«Я не от человека принимаю свидетельство (...) Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?»** (Ин 5: 34, 43-44), ибо Бог есть дух. (Ин 4: 24)

Такое понимание присуще только арийцу и исходит из осознания им своего божественного происхождения, из ощущения присутствия в себе Бога.⁵⁴ Поэтому именно от Бога ариец как сын Божий ищет славы и всё, что делает, делает для осуществления идеи Божией.

Вышеуказанное определение арийского рода Нжде подкрепляет и разъясняет также через указание разницы между понятиями *род* и *народ*, отмечая которую, он пишет:

*«Народ представляет собой духовную рассеянность, а нация (род)–объединяющий дух, чьим наисовершеннейшим выражением является её духовная элита - её гений, святой и герой».*⁵⁵ *«В то время как народ рождает посредственности, род рождает героев, святых и носителей света»*⁵⁶

*«Народ - это тот, кто заимствует, род же представляет собой творческую самобытность. Как неповторимая личность он не позволяет народу обезличиться в океане человечества. Как биологический фактор род влияет на нацию, питая её корни».*⁵⁷ Народ Нжде называет *«мученической стороной армянской души, а род – героической».*⁵⁸

*«Народ, – по его словам, - это тот трус, которого хотели отправить на дело, а он возразил, сказав: «Там лев», тогда как род, кроме самого себя, много льва не признаёт. Народ многолик: в нём есть католики, протестанты и пр., в то время как род всегда един и целостен. Народ предполагает классовость и классовое себялюбие, род же – всеобщую справедливость и возможное равенство».*⁵⁹ Поэтому Нжде называет его ещё и *«неподкупным судьёй, отвергающим всякого рода классовые разделения».*⁶⁰

Как видим, народ – это та масса, качество которой определяется присутствием или отсутствием божественного (арийского) духа или Его носителей - духовной элиты рода. В этом смысле между народом и его духовной элитой такое же соотношение, как и между телом и душой. Имея в виду этот факт, Нжде сравнивает народ более с *«рассчётливым умом»*, а род – *«более с сердцем, которое способно на бескорыстную жертву».*⁶¹

Такая жертва, согласно Нжде, является главнейшей и наивысшей характеристикой арийского духа, ибо основана. по его словам, на *«божественном пренебрежении смерти»*⁶² во имя любви (к человеку, семье, религии, народу, человечеству) Так во имя спасения человечества пренебрёг смертью Господь наш Иисус Христос, сказавший: **«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.»** (Ин 15: 13) Так пренебрегли смертью Вартан Мамиконян и его соратники ради сохранения своей христианской религии, которая по сути была древнейшей мессианской религией армянского рода; так поступали и многие герои, как армянской истории, так и истории других народов. Все они, по словам Нжде, *«смертью смерть поправ, удостоились вечной жизни»*,⁶³ ибо арийский дух - это тот

дух, который ведёт человека через смерть «к солнцу, источнику жизни, свету». ⁶⁴ Носитель этого героического духа, сильнее смерти и олицетворяет присутствие «вечности» в человеке. Сила его – в праведности. Подчёркивая этот факт, Нжде говорит: «Правда – это сила. Нет силы без правды. Нет спасения без силы», ⁶⁵ - то есть нет спасения без правды, которая есть сила и именно потому что «*правда действует и влияет лишь посредством духа*». ⁶⁶ Она есть та добродетель, на которой основано творение Божие, почему и цель Своего творения – Сына Своего - Господь называет *Десницей правды*. (Пс 47: 11; Ис 41: 10) ⁶⁷ Ею всё создаётся, ибо, как он же утверждает, «*род – это творец, а народ – творение*». ⁶⁸ И так как правда является нравственной категорией, то арийство – ношение правды - Нжде называет «*единственной истинной нравственностью*», ⁶⁹ - а самого арийца – человека рода. - ***героем, который сильнее смерти, носителем и служителем вечности в нашей преходящей жизни.*** ⁷⁰

Только арийцу, по словам Нжде, можно доверить управление страной и народом, ⁷¹ ибо он носитель вечной, неумирающей истины, касающейся таких понятий, как отечество, смерть, победа, предводитель. ⁷²

Общим выводом, сделанным Нжде из сравнения народа и рода является следующий: «***всегда справедливо, чтобы в нашей жизни главенствовал и руководил род, а не народ***». ⁷³

В таком соотношении род представляет собой душу, а народ – смертную плоть. Поэтому, по словам Нжде, «***армянин должен исповедовать первенство души над материей***», ⁷⁴ что означает, что он всегда должен временно предпочитать вечное.

Важность арийского, или родового духа он показывает также через его **отсутствие**.

Что же происходит с народом и человечеством, когда арийский дух покидает их?

Тогда, по словам Нжде, в них сразу же «*активизируются тёмные силы – зависть, вражда, зло*», ⁷⁵ *оскотинивающее поклонение вещам, отрицание каких бы то ни было обязанностей, поклонение собственной шкуре, как богу, страх и неуверенность в завтрашнем дне*, ⁷⁶ ибо с отсутствием арийского духа, или духа рода, исчезает ощущение вечности в человеке и взамен этого появляется страх перед смертью, которым окрашивается всё, что он делает. «*Пока человек является бессильной жертвой страха, - говорит Нжде, - лживы его религия, наука, воспитание. Нет чудовища более жестокого и беспощадного, чем слепой животный страх: инстинктивный – в дикарях и осознанный в разумном человеке*». Страх – это то чудовище, «*которое на поле боя сдаёт полагающихся на него в руки врага и смерти. Страх убивает совесть, заставляет забыть о своих обязанностях, усиливая в нас животное начало*». ⁷⁷

Страх всегда сопровождается «*сумасшедшим желанием выжить во что бы то ни стало*», которое Нжде называет «*психологией терпящего поражение*», проявляющейся при крайней материальной озабоченности, при неразвитости чувства общности и братства, при абсолютном отсутствии упорядоченного сознания. Страху во время войны способствуют местечковая «любовь» к родине, боль самолюбия, злая

зависть военачальников, недостаток организованности, неверное представление о враге, небоеспособность и пр.

И всё это следствие того, что человек, не ощущая в себе души, руководствуется плотью, которая, по словам Нжде, является просто глиной. *«Несмотря на созданные человеком великие культуры, - пишет он, - человек и сегодня больше глина, чем дух. И поэтому он часто восстает против всех усмиряющих дух его плоти ценностей, истин, святынь, призванных укротить животное и оскотинивающее начала в нём».*⁷⁸

Таковой, по выражению Нжде, хотя и *«политически свободен, но оставляет следы рабских цепей»*,⁷⁹ ибо он раб собственной плоти. А при таком рабстве в нём расцветает множество зол, самым отвратительным из которых является зависть.

*«Злое животное человек, когда завидует, - пишет Нжде, - В нашем мире злой всегда ругал бесстрашного рыцаря, трусливый из тёмного угла бросал камни в героя».*⁸⁰

Наличие зависти – прямое свидетельство отсутствия арийского начала в человеке, его полной бездуховности. А когда ею поражены предводители народа, то это для последнего всегда оборачивается трагедией. Нжде приводит пример такой разрушительной зависти армянских нахараров, приведшей когда-то к потере Арменией своей государственности.

*«Это было время, - пишет он, - когда, охваченным бесом зависти, армянским нахарарам, за незначительным исключением, служение чужим было предпочтительнее, чем подчинение друг другу. Армянин, выдерживающий варварскую дань, наложенную на него врагом, не мог вынести ни одного горького слова, сказанного братом. Никто не признавал в другом человека более способного в чём-либо, более достойного, более великого, чем он сам. Мало было таких, кто желал бы понять, что помощь брата в родной стране, как бы она ни была скромна, стоит большего, чем внешняя помощь, которая никогда не предоставляется бесплатно. Была изнашивающая болезнь междуусобицы, которая заставила Саака Великого в минуту испытываемой им горечи бросить в лицо армянству: «не могу быть пастырем народа коварных богоубийц и предателей». Было внутреннее взаимопоедание, которое заставило армянского католика сказать: «Междуусобная война намного горше, чем война с внешним врагом». Был внутренний «ад», который заставил армянского летописца написать: «Нация моя армянская, рукой своей и своеволием ты ослепила себя и сама погубила царство своё». Это «непонимание друг друга», которое наблюдается и сегодня, как следствие лишённости народа чувства рода, или арийского духа, Нжде сравнивает с «новым смешением языков, данным нам судьбой в наказание» и заключает: «Ужасно сегодняшнее армянское слово: «их рот – открытая гробница».*⁸¹

Из всего этого Нжде делает вывод, что наличие неарийца равнозначно наличию внутреннего врага в народе и что *«пока существует армянин – неариец, будут существовать и внутренние враги, и пока есть это чудовище в народе, его политически благополучное состояние должно считаться мечтой для него»*,⁸² и заключает: *«Червью кости» называет Священное Писание зависть. Всегда порождённая слабостью, она не выносит блага, успехов, славы других и вооружается против них».*⁸³

И страх, и зависть, и прочие плотские чувства являются свидетельством разрушительного эгоизма в человеке. Для такового нравственности вообще не существует. Чтобы оправдать свои пороки, он безумно стремится подкрепить их какой-нибудь теорией, идеологией, «мудростью»,⁸⁴ которая бы разрушила твердыню единого Божественного Духа и Его сковывающую власть над ним. Именно так, согласно Нжде, возникли отличные от учения Назорея (так он называет Христа) все политические течения – демократия, либерализм, марксизм, социализм, ленинизм и пр. - , в которых он замечает *«лицемерное двоедушие, ибо в теории они подчиняются воле общества, а на деле раскалывают и искажают его национальный дух и единство, подчиняя его личным или классовым интересам»*. Все они, согласно Нжде, противны логике и нравственности человека, а предлагаемая ими форма правления - безвластна и разрушительна,⁸⁵ ибо в их основе лежат корыстолюбие, поклонение материи и материальной прибыли (марксизм),⁸⁶ и как следствие этого - убийство национальной самобытности (ленинизм)⁸⁷ Они призваны обесценить силу рода у народов - то же что убить личность человека, то же, что убить всё человечество, лишив его соцветия народных добродетелей, исходящих из их связи с Духом Творца, ибо ведут душу человеческую и народы к обезличиванию и полной подчинённости смертной плоти. Об их разрушительном влиянии, в частности, на армянский народ Нжде пишет следующее: *«Чужие, заимствованные, лживые идеологии замутили армянское родовое чистое в своей глубине нравственное мышление. Армянство перестало быть единомысленным, потеряло нравственную традицию, волю. Началась денационализация – разрушение нации, рода»*.⁸⁸

Эта «денационализация» прежде всего выразилась в образовании разных политических партий, разъединивших и нравственно испортивших народ. *«Армяне, - пишет Нжде, - ещё не являющиеся хозяевами своей земли, уже разделились на разные политические партии и таким образом внутренне расчленились – факт из-за которого осталось незавершённым многообещающее дело, начатое во времена Назореев. По этой причине армянство не сумело победить свои внутренние пороки и слабости, не смогло возродиться родом, восстановиться как нация. Этим, - не забывая, конечно, и внешние причины, - нужно объяснить все катаклизмы, пережитые нашим народом и его сегодняшнее бессильное и безвыходное положение»*.⁸⁹ Партии, по словам Нжде, способствуют лишь удовлетворению мелких личных амбиций человека. Они *«ищут в обществе невежду, наивного и злоискусного человека, и на их слабостях строят свою духовную власть»*,⁹⁰ деморализуя по сути народ, тогда как тот, кто руководствуется интересами рода (а не партии) *«в недрах народа ищет бескорыстных и высоконравственных с точки зрения армянской и общечеловеческой людей и им доверяют дело нации, суд и её судьбу»*.⁹¹

Нжде отмечает также, что *«армянство, опустошённое от реальности рода, превращается в народ, живущий минутными внешними выгодами, подверженный бедствиям и достойный своей судьбы»*⁹²

Кроме того, *«Когда нет родового сознания, есть сознание малозначности и слабости народа и горечь такого сознания»*, ибо народ живёт, творит и увековечивается родом . Посему растление рода, подобно растлению личности, религия рода считает преступлением, направленным не только против одного

народа, но и против всего человечества, в связи с чем и питает отвращение ко всем тем течениям и учениям, намерением которых является отдалить новое поколение от оздоравливающей груди рода – от её молока». ⁹³

Так что, по глубокой убеждённости Нжде, отсутствие арийского духа или родового сознания превращает народы в сборища эгоистов, но никак не в нацию. «Подобные злоискусные сборища, - пишет он, - в прошлые века за его крайнюю честность лишили праведного Аристидиса возможности пользоваться родной землёй и водой. Они убили Сократа и вместе с преступниками распяли Назорея.» ⁹⁴ «Такое же бездуховное армянское сборище однажды вручило Карс кемалистам». ⁹⁵

Поэтому единственным спасением для Армении Нжде считает возврат к арийству: «теперь и далее, - говорит он, - **призванием армянина должно быть арийство**», ⁹⁶ – иными словами, возрождение в себе арийского родового духа. И не только призыванием, но и поклонением ему, его религией.

Само понятие **религии** Нжде связывает с христианством и определяет как духовную составляющую понятия человек. «Кто отходит от религии, - пишет он, - тот, подобно самоубийце, срезает свою духовную артерию. Действующий против своего Творца не постесняется действовать и против себе подобных. Религия, говоря философски, - это не только взаимоотношение твари (сотворённого человека) с Творцом, но и человека с человеком, индивидуума с коллективом, личности с истиной». ⁹⁷

Поэтому поистине религиозным человеком Нжде считает того, «у кого идеалистический взгляд на жизнь, кто принимает существование Бога и признаёт свои обязанности перед высочайшей реальностью – нацией (определяемой родом), отечеством, государством.. «Хотите хорошо узнать кого-либо, - говорит он, - поговорите с ним и заставьте его поговорить о Боге, и он через почитание своё или неверие выдаст возраст своей души. Ты безбожник? – значит у тебя нет уважения к святому, значит ты лишён чувства обязанности, следовательно рано или поздно ты предашь себе подобных». Даже более того, подчёркивает он, «любой «учёный», который повторяет, что наука не имеет ни религии, ни родины, по сути враг человечеству, ибо в нашем мире только человеческая слабость и подлость не имеют родины, нации, Бога.» ⁹⁸

На самом же деле, продолжает он, - «наука и религия – не враги, а соратники, один из которых действует посредством разума, а другой – посредством сердца. Всякий нерелигиозный человек дышит злом. Насколько дружелюбен человек, настолько он религиозен. Ослабело человечество в религиозном смысле – и вот у него уже нет неба, обрушился мир его надежд: сегодня в нём властвует смерть». ⁹⁹

Религию Нжде считает также «порождением жаждущей Бога человеческой души», в то время как **религию рода** он связывает с «постоянно кровоточащим от ран отечества армянским сердцем». ¹⁰⁰

Отсюда слабость в религиозном смысле он объясняет как следствие потери ощущения своего рода, глубины которого, как мы видели, считает религиозными, ибо род, «представляющий собой онтологическое ядро народа, - по словам Нжде, -

*вечно борется со временем и инстинктивно стремится к непорочности и победе над смертью, почему и глубины его религиозны».*¹⁰¹

Именно верность этому «онтологическому ядру народа», или «верность нашей собственной сути» и призвана, по словам Нжде, обеспечить религия рода,¹⁰² основой которой является нравственное отношение к себе подобным.

Как бы повторяя известный евангельский завет - **«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.»**, (Мф 7: 12), Нжде говорит: *«Моё естественное право жить и свободно совершенствоваться обуславливается моей собственной обязанностью уважать такое же право мне подобных. Равным образом недружелюбны те индивидуумы и социальные слои, которые говорят о себе: «я - всё» или «я – ничто». В жизни наций «всем» является только всеобщее целое, и никто не имеет права быть «ничем». Не социалист, а социальный индивидуум – вот новая мораль, которой решается социальная проблема и ставится конец внутреннему самодеству народов».*¹⁰³

Действительно, имеющий богосозданную душу, не может быть «ничем», ибо каждая душа заключает в себе определённую мысль, намерение, мир, что делает каждого человека и каждый народ в идее абсолютно независимыми в своём развитии и связанными с другими лишь в осознании своего единства в Боге, человечестве, народе, семье независимо от положения, занимаемого каждым в обществе. Последнее Нжде особенно подчёркивает, говоря, что *«С точки зрения родовой нравственности Гюльбекян стоит не более, чем какой-либо крестьянин Армении или солдат, также ни один профессор не стоит больше, чем скромный ремесленник.»*¹⁰⁴ Такое отношение к человеку может быть лишь на основе абсолютной духовной независимости представителей народа. *«Народы, - как говорит Нжде, - поднимутся, победят и будут жить, когда в них воцарится дух абсолютной независимости».* А свидетельством абсолютной независимости духа в человеке, народе, человечестве он считает *«предпочтение, данное ими выгодам общества перед собственными выгодами»*, когда из любви к обществу огромная часть его представителей принимает на себя больше обязанностей, чем прав, когда в связи с этим *«в этом большинстве его проявляется уверенность в себе и неугасимая вера в своё будущее»*.¹⁰⁵ Ясно, что причиной такого заявления Нжде является мысль, что соблюдение обязанностей обеспечивает и соблюдение прав.

Но всё это возможно, когда дух рода властвует над народом. Соответственно одним из важнейших требований религии рода Нжде также является требование власти духа над материей. **«Принять высшую власть рода над народом, - говорит Нжде, - значит принять высшую власть духа над материей и руководствоваться всегда духом».**¹⁰⁶

«Армянин всегда должен исповедовать первенство духа над материей, над плотью», - неизменно повторяет Нжде,¹⁰⁷ ибо это основная суть его древней религии рода, которая не есть нечто, выдуманное Нжде, а, как уже было сказано, основана на глубинном сущностном *«арийском мышлении армян»*,¹⁰⁸ –на их готовности во имя высшей цели пожертвовать своей временной жизнью. А это, по словам Нжде, может сделать лишь человек духа: *«Ради отечества живёт и умирает лишь человек духа, только таковой»*,¹⁰⁹ - говорит он, имея в виду того, кто ориентируется не на смертную плоть, а на душу и дух и поэтому готов при

необходимости пренебречь даже телесным страданием и смертью. Способных на такой подвиг Нжде делит на пассивных и активных героев.

*«Воля к мученичеству была и останется свидетельством высшего героизма души, – пишет он, повторяя, фактически, евангельскую мысль о страдании во имя высшей цели. - Пассивный герой, - вот, кто мученик. Жертвуя собой, он умеет пренебречь смертью (...) пренебречь своей актуальной жизнью и улыбаться в лицо смерти»,*¹¹⁰ как это делали первые христиане, убиваемые из-за принятой ими веры, а также те, кто даже перед лицом косящего их турецкого ятагана твёрдо стояли на своей вере и не изменили себе. Многие из них были распяты на крестах, подобно их Господу, и затем вместе с крестами брошены в море.

Активный же герой отдавал свою жизнь на поле боя, как это сделали Мамиконяновцы и многие другие герои армянской истории. Именно этой способностью к самопожертвованию меряет Нжде наличие в человеке арийского духа.

*«Есть эта воля? – говорит он, - значит субъект сумел примирить себя с вечностью рода; значит он уже нашёл и познал себя, стал хозяином тайных сил своего рода. Человек истины и героической нравственности, он уже определил своё отношение к собственной личности, к себе подобным, к истине. Взгляд таких всегда направлен в вечность, их уже не смущает мелочь жизни. Как войны они непобедимы. На родине таких людей воин может умереть, но не потерпеть поражение. Таковыми были Вардан Мамиконян и его соратники.»*¹¹¹

В связи с этим, указывая путь к победе во время войны с врагом, Нжде отмечает: *«Воинская нравственность не требует победы при любых условиях, она требует умения победно умереть при любых условиях. Оружие, расположение, политический момент – всё это будет способствовать твоей победе, достаточно иметь тебе волю умереть, или, иначе говоря, любить то, во имя чего воюешь, более самого себя. Лишь тот герой, для кого жизнь оправдана, когда её проживаешь не как цель, а как служение чему-то святому или самопожертвование во имя чего-то святого».*¹¹²

Такую готовность к самопожертвованию как характерную черту армянского рода Нжде называет *«таронаканутюн»* по названию провинции Тарон, в которой жили героини-мамиконяновцы. *«Таронаканутюн, – пишет он, - означает идти путём мамиконяновцев; означает во имя рода и отечества желать умереть, подобно им. И уметь умереть».*¹¹³ Именно в такой воле, согласно Нжде, загадка победы одним семерых, свойственной армянскому роду.

*«Спросим себя,- пишет Нжде: - в чём секрет победы одним семерых, сотней – тысячами? Секрет этот следует искать в самоотверженном духе воина. Победа улыбается тому, кто умеет бесстрашно встать лицом к лицу со смертью. Победа улыбается тому, кто знает божественную тайну смерти с улыбкой».*¹¹⁴

Сам свидетельствуя о христианских корнях своей религии рода, Нжде как бы приглашает армян углубиться в изучение евангельских истин: *«Армянство, - говорит он, - должно услышать слово Нового Завета».*¹¹⁵ И приводя слова английского богослова о том, что *«радостное настроение души – одна из основ христианской религии»*, он затем добавляет от себя, что именно такое настроение души и является *«матерью успеха армий, кормилицей их победы».*¹¹⁶ – А это – главная мысль,

проходящая также через весь Старый Завет, а именно: руководствующийся Духом Божиим не знает поражения в войне.

Но чтобы Дух Божий, или арийский, не покидал человека, народ, они должны сначала победить в себе дух смертной плоти, дрожащей за свою временную жизнь, то есть освободиться от иллюзии обречённости и рабства смерти.

*«Причиной побед и поражений человека является он сам, - пишет Нжде. - Побеждает тот, кто уже победил в себе животный инстинкт, своё я, свой страх, когда он уже победил самого себя. А терпит поражение тот, кто уже потерпел поражение перед самим собой, перед своим я, перед своим страхом и инстинктом.»*¹¹⁷

Таким образом, религию рода Нжде по сути отождествляет с «таронаканутюн», то есть готовностью отдать свою жизнь за жизнь и веру своего рода.

*«Мы обращаемся к таронаканутюн, - говорит он, - этому вечному оружию армянского рода, потому что мир уже уверил нас, что в сложившихся условиях Армении может поддержать лишь человек героического духа, человек, готовый пострадать и умереть за неё».*¹¹⁸

Следуя уроку, данному нам Спасителем, Нжде называет страдание *«важной и необходимой частью нашего существования»*¹¹⁹ и *«человеческого величия»* вообще, а *«тот, - по его словам, - кто стремится отдалить его от себя, убивает в себе самую благородную сторону человеческой природы».*¹²⁰

Отвечая тем, кто не верит в облагораживающее свойство страдания, Нжде говорит: *«Нет, нет, облагораживающее влияние страдания на человека и человеческий род – это не ложь, не фальсификация. Или мы – люди, способные на облагораживающее нас страдание, или мы – простой скот.»*¹²¹

Через страдание и в страдании выявляется необходимое для жизни человека, (народа, человечества) качество его души, так как оно является испытанием её жизнеспособности в высшем смысле этого слова.¹²² Поэтому, - по словам Нжде, - как ни *«прекрасно чело, украшенное лавровым венком, но святейшим и наиболее почитаемым останется тот, кто ради правды носит терновый венец»*,¹²³ ибо *«легче быть справедливым, чем любой ценой защищать справедливость. Справедливым может быть даже самый бедный человек. Однако для защиты справедливости нужно не только быть справедливым, но и быть мужественным, семижды мужественным».*¹²⁴

Говоря о роли страдания, Нжде пишет также, что: *«В высоком смысле понятие духовной жизни является противоречивым понятием. Нужен был один Иуда, человеческое чёрное зло, предательство, чтобы в высочайшей трагедии его наличия победили Назарянин и добро».*¹²⁵

Так и в Армении, распятой на крестах, Нжде видит ту же Голгофу, где вместе с Господом был распят и принявший Его народ. Землю её он сравнивает с одеждами Христа, которые разделили между собой Его палачи,¹²⁶ а всю дальнейшую её историю, когда, как он говорит, *«все проклятые тираны мира своими кровавыми руками не переставали распинать наш народ»*,¹²⁷ он уподобляет *«терновому венцу»*, который, однако, считает также *«венцом её спасения».*¹²⁸ Как спасительно было страдание Христа для Его апостолов, так, согласно Нжде, спасительно и страдание

Армении для армян. Он даже определяет его как «средство для нашего народного возрождения и политического спасения».¹²⁹

Сравнивая судьбу Армении с судьбой Христа на земле, Нжде пишет о реакции мира на страдания армян, - мира, который будто говорил армянину:

«Ты повесил голову? Покорен твой лоб? Спина твоя расколота под ярмом насилия? Ты не господин своей чести? Даже не имеешь права пользоваться святым языком своего рода? Давно не слышишь сладкий звон твоих церквей? Лишь ползёшь, как раб, без идеала и чувства возвышенного? Ты сам виноват, ты. Что побудило тебя наивно верить в возвышенное, но опасное слово мечтателя Назарянина? Кто сказал, что слабый не виноват в своей слабости и что сила не является заслугой сильного? Ты обманут, народ, ставший жертвой христианского благомыслия, которое продолжает оставаться лишь макияжем для души сильных. Слабость, - говорит мир, - рождена, чтобы питать силу. Сила порождает право. Сильному принадлежит мир, отечество, свобода и всё вообще.

Хочешь покончить со своим сверхчеловеческим мучением, Шекспир которого ещё не явился? Хочешь покончить со своей Голгофой, на которой каждый день умираешь как народ надежды и не можешь умереть? Хочешь спастись, - будь сильным, ибо у слабых нет друзей в мире. А для доказательства твоей силы, покажи две вещи: первое – что умеешь умирать сознательно, действенной и осмысленной смертью в войне; и второе – что можешь убивать. Докажешь это, будут у тебя эти две добродетели, особенно первая, - ты спасён.

*Таков был мир по отношению к армянской Голгофе и к Христу. Так отвечало человечество приговорённому к смерти народу, который не хотел умирать, но и не мог жить.»*¹³⁰

Раскрывая антихристианское лицо мира именно с точки зрения его борьбы с христианским духом, он замечал:

*«После Голгофы и до сегодняшнего дня прошло двадцать долгих и трудных веков, и, увы, боговдохновенное слово Учителя о мире, братстве и любви продолжает оставаться гласом вопиющего в пустыне»,¹³¹ а история мира – историей кровавой борьбы «двух противостоящих сил – меча и Слова Любви, - одна из которых (Слово Любви) мечтает уничтожить границы между странами и народами, а другая (меч) упорствует в их сохранении, - фактически, в сохранении межнациональной вражды ради увековечения своего существования. И пока властвует последняя, пока она сильна и победоносна, нет надежды на то, что в нашем веке мечи перекуют в орала.»*¹³²

Совершенно ясно, что, говоря об этих двух силах, Нжде имеет в виду Христа как Слово Любви и Князя мира сего в виде меча. И несмотря на это понимание Нжде поднимает меч защиты рода своего от физической и духовной гибели, «сопоставляя христианство и нацию» так же, как, по его словам, это сделали мамиконяновцы, «чья нравственность была чрезвычайно требовательна в отношении каждого армянского воина, для которых мир не был рынком, а был ареной героических действий, которые умели не придавать особой ценности своей временной жизни и сумели сопоставить христианство и нацию. Этим следует объяснить то глубокое чувство святости, которое веками было матерью их непревзойдённого героизма: «Без Вардана и мамиконяновцев Армения никогда бы не смогла спастись», -

*говорит Армянская история, - истина, которую со всей решительностью можно повторить и сегодня».*¹³³

Вывод, который делает Нжде, следующий: чтобы выжить в этом мире, нужно стать сильными. Но силу он понимает прежде всего как силу нравственного, христианского духа, встающего на защиту всех угнетённых, который, как уже было сказано, является наследственным духом армян-хайкидов, умеющих победить в себе дух своей плоти. О таковых говорит Нжде, что *«побеждает тот, кто настолько силён, что природу свою подчиняет Духу».*¹³⁴ Эта сила - в его готовности пострадать или отдать свою жизнь за освобождение и процветание отечества. Поэтому предстоящие войны за спасение отечества Нжде называет *крёстными* (а не крестовыми в их привычном смысле).

«Сим победишь», - повторяет он фразу, которую Константин Великий, согласно преданию, увидел написанной рядом с крестом перед его битвой с римским императором Максенцием, и затем приводит пример такой победы из самой славной страницы истории армянского народа, а именно пример победы Вардана Мамиконяна, который со своим малочисленным войском, хотя и ценой жизни своей и своих воинов, но сумел отстоять религию своего рода от наступающего со слонами огромного персидского войска, намеревающегося заставить армян отказаться от неё. В результате неравной кровопролитной войны, в которой героически пали все мамиконяновцы, тем не менее потери персидского войска оказались гораздо большими, чем потери армян, и, вынужденное отступить, оно никогда уже не пыталось навязать армянам своё мировоззрение и свою религию.

Возглавляемую им войну за Сюник Нжде также назвал *крёстной* и начал её с того, что обратил внимание своих воинов на древние армянские памятники Сюника, осквернённые магометанами, - на *«старинные храмы и крепости Сюника - полуразрушенные и погребённые святыни, которые веками служили для турок конюшнями и больницами.»* Как он сам говорит, *«этот факт привлёк его внимание с первых же дней по вхождению в Сюник и дал ему возможность придать проводимым им военным действиям характер Крестовой войны. «Сим победишь»*, - сказал он своему воину, имея в виду христианский крест., и так разбудил в нём дух рода. - *«И его солдат, - по его же словам, - стал со священным трепетом смотреть на крепость Бахаберт, закрывающую вход в сказочный Гюхадзор, когда склонялся перед руинами крепости и губы его ощущали её святые камни. Он не мог более проходить безразлично рядом с историческими памятниками своей страны. И именно в этой слабости была его непобедимая сила. Он уже не спрашивал о расположении и численности врага, а вместо этого интересовался армянскими церквями и крепостями Сюника и бросался в бой как крестоносец».*¹³⁵

Итак, Нжде предлагает побеждать Крестом Христа, - то есть отдавать свою жизнь за восстановление погранных христианских святынь народа, опираясь при этом на бессмертный арийский родовой дух, исходящий от Творца, и утверждая, что сила духа является самым сокрушительным оружием против врагов, ибо арийский дух - это дух, который не принадлежит смертной плоти, который вечен и делает вечным носящий его сосуд, то есть душу человека. Он воскрешает её, угнетённую в смертном теле, осознанием вечности, и она жертвует временным во имя вечного ради любви к народу, семье, человечеству, - любви, которая заимствуется у арийского

духа или просто отражает его великую жертвенную любовь к тем, кто, являясь его носителем, становится его образом и подобием.

Это тот Божий дух, которым библейские евреи побеждали народы, бывшие гораздо сильнее их по военному снаряжению и больше по численности. Так и армянский народ. Как пишет Нжде, ни по численности своей, ни по военному оснащению он никогда не будет сильнее своих врагов. Но его сокрушительная сила в арийском духе и христианской нравственности. *«Наш народ, - пишет Нжде, - с численной, технической и вообще материальной точки зрения по известным причинам никогда не сможет быть сильнее своих соседей. Но силу определяет не только материальный стимул, но и достоинства народа. Существует психологическое предпочтение, есть нравственная сила – древняя, как мир, но и всегда свежая и чудодейственная. Народ, обладающий ею, редко склонял голову перед врагом, во много раз превышающим его в материальном, вещественном смысле.»*¹³⁶

Поэтому **целью религии рода** является восстановление в армянах древнего арийца – сына Божиего – то же, что человека рода, и сделать это через воспитание такового в новом поколении армян.

Но.., как с сожалением отмечает Нжде, *«Армянин вследствие нехватки тяги к знаниям в понятие «новое поколение» вкладывает лишь биологическое содержание. Новое, согласно этому последнему, - это сыновья, а старое – отцы, тогда как поколение является не только понятием биологическим, не только «зелёной порослью», но ещё и несёт в себе определённое психологическое содержание»*.¹³⁷

Под последним, естественно, Нжде подразумевает его духовную составляющую, - то есть душу, - для которой глина – всего лишь её одежда. **Поэтому религия рода Нжде первым делом требует объявить войну всему тому в самом народе, что не несёт в себе арийского духа и заставляет поклоняться вещам, то есть она требует объявить войну материализму, вещизму, корыстолюбию, эгоизму и стать народом качества, каким некогда был армянский народ.** *«Мы были нацией качества, - говорит Нжде, - и для того, - чтобы не подвергаться впредь геноциду и не исчезнуть, мы в приказном порядке должны восстановить в себе эту качественность, ибо вечному процессу качественного улучшения для превращения в нацию подвержены все народы. Но нашему народу духа легче это сделать. Мы должны стать «драгоценным камнем», чтобы «весить тяжело и стоить дорого». Этого требует от нас наша национальная нравственность»*.¹³⁸

Упомянув драгоценные камни, Нжде, который в мыслях своих всегда исходил из Священного Писания, здесь явно намекает на те, которыми были выложены основания, стены и ворота Небесного Иерусалима. Видимо, считая структуру Небесного Иерусалима указанием, или образцом, также для основания армянской государственности *«на мощах боговдохновенных сынов Армении»*, он пишет:

«В трагически счастливым 1918 году армяне имели свой политический Аварайр у подножия Арарата. Дух нашего рода, недовольный многовековым бесславным, униженным и угнетённым существованием армянского народа, стимулируемый необходимостью чувствовать свою власть в народе и величие, поднял здание армянского независимого государства, гранитное основание которого останется на мощах боговдохновенных его сынов».¹³⁹

Говоря о «*мощах боговдохновенных сынов*», он тем самым проводит параллель между апостолами, согласно Апокалипсису Иоанна, составившими духовное основание небесного Иерусалима, и армянскими героями, положившими свои жизни в основание воссозданной Армянской государственности, в целях которой он хочет видеть цели Небесного Иерусалима, так как в конечном итоге ничто гнилое не должно остаться ни в каком звене человечества, конечная цель которого – *«установление всеобщей справедливости через правление Духа Творца, при которой не будет бездуховного и нуждающегося, ибо их заменит ариец, не нуждающийся ни в чём. А там, где нет бедных и бездуховных, там нет и зла и не виден также внешний враг, наступающий огнём и мечом, потому что там «благоденствует семижды благословенное, безопасное отечество»*.¹⁴⁰

В нём человечество будет жить, *«согласно идеальному состоянию человека, когда война будет пограна войной, когда прекратится борьба, дав место братству ставших совершенными и почитающих друг друга народов»*.¹⁴¹

Поэтому драгоценные камни, которыми символизируются основание, стены и ворота Небесного Иерусалима, имеют нравственное значение для любого народа, в том числе и для армянского, и целью религии рода является разбудить в армянине эту утерянную нравственность.

«Нет иной цели у религии рода, - говорит он, - как в изгнанном армянстве разбудить род, родовое и одновременно, освежая его историческую память, превратить его в единую и неделимую нацию»,¹⁴² - иными словами, привести народ к самопознанию, что, по мысли Нжде, возможно лишь через изучение истории народа.¹⁴³

*«Народы, - говорит он, - настолько являются нациями, насколько кристаллизировано и мощно их самоосознание. Нет большего преступления, отступничества, чем не знать собственную историю. Народ, лишённый исторического чувства и исторической памяти, не может быть нацией.»*¹⁴⁴

Поэтому Нжде особо подчёркивает, что *«Такое национальное самопознание (...) питается нашим почитанием всего того, что в нашей истории означено как прекрасное, возвышенное и героическое»*.¹⁴⁵ А это в первую очередь крест (религия армян), алфавит, объединивший народ во Христе, и герои Армении, отдавшие за неё свою жизнь.

«Попытайтесь на минуту забыть о кресте, об алфавите и героях Армении, - пишет Нжде, - и ничего не останется, что давало бы право нашему народу жить. Наша жизнь, история превратятся в духовную пустыню. Школа, церковь, семья потеряют своё нравственное содержание и каризму. Высохнут все источники творческой деятельности».¹⁴⁶

Поэтому армянская интеллигенция должна стать интеллигенцией рода, то есть духовной элитой, а не денежной или титулованной, и новый человек, которого она должна воспитывать, также должен быть человеком рода. Он должен стать *«образом своего рода, свободным от двоедушия, фальши, подлостей, нравственно здоровым и цельным человеком. Именно для такого человека, - по его словам, - работает сегодняшняя история»*.¹⁴⁷

Так что духовная элита страны должна сосредоточиться на нравственных требованиях рода и согласно им воспитывать подрастающие поколения, ибо,

согласно Нжде, нет другого истинного воспитателя, чем род, который и есть «вечный скульптор, а новое поколение – как живой мрамор в его руках».¹⁴⁸

Одним словом, религия рода призвана разбудить и поддерживать в вечном бодрствовании ту нравственную суть народа, которая призвана из человекообразного животного сделать человека. То есть она призвана «победить материю – лишить время своей опоры, боль – её остроты, освободить печень от когтей терзающего её стервятника – вот высшее искусство – мать всех искусств, которые породил человек.»¹⁴⁹ ибо это вопрос жизни и смерти, как для человека, так и для народа и для всего человечества. Поэтому главным требованием религии рода и времени Нжде провозглашает: «Обновись - или умри».¹⁵⁰

Заключение

Обобщая сказанное, можно утверждать, что религия рода Нжде по своей нравственной сути не имеет ничего общего ни с язычеством, или неоязычеством, основой которых являются интересы плоти, ни с гитлеризмом, или фашизмом, ибо если **Гитлер понимал арийство как расовое превосходство одного народа над другим, то Нжде говорил о необходимости осознания каждой расой своего арийского начала и жизни, согласно ему; если гитлеризм стремился к господству одной нации над другими, то Нжде говорил о содружестве равноправных наций, возродивших в себе арийство; если гитлеризм основывался на фашизме, предполагающем фанатичное поклонение своему народу, далёкое от истинной любви, то Нжде говорил именно о любви к народу, далёкой от фанатичности и умеющей ценить достоинства всех остальных наций, ибо считал, что поистине любящий свой народ любит и всё человечество.** Даже более того, он считал, что «Только любящий свою нацию может любить человечество».¹⁵¹

Таким образом, в основе всех идей Нжде лежат христианские корни, и поэтому его религия рода представляет собой ту же христианскую религию, только означенную поиском в ней обоснования для защиты страждущих народов и в частности для защиты армянского народа, которого его окружение поставило перед опасностью полного уничтожения, причём не только физического, но и духовного и нравственного. Последнее - через подчинение сознания народа всему материальному, ибо материализация сознания создаёт в человеке благоприятную почву для развития всяких пороков, свойственных смертной плоти.

Поэтому основной целью своей борьбы «мечом и пером» Нжде провозглашал «защиту права и святости» в мире, поправшем всякую святость: «Меч и перо, - писал он, - божественное оружие, данное человеку, чтобы защищать право и святость в мире, - в моей руке часто заменяли друг друга.»¹⁵² причём, как это видно из всех его книг и статей, - с единственной целью полного уничтожения «меча», то есть с целью «мечом поправить меч».

Но..., зная слова Спасителя о том, что поднявший меч от меча и погибнет, он просил за этот меч прощения у Бога, не находя иного средства защитить свой народ от полного уничтожения. Считая эту задачу крестом, взятым им на себя, он писал:

*«Самым святым из крестов и в то же время самым тяжёлым является судьба родного народа. Несущему его – горе и честь семижды».*¹⁵³

Он так сказал, потому что так же, как и его Бог, Нжде страдал *«от каждой капли человеческой слезы, от каждого стона несвободных народов».*¹⁵⁴

Он доказал это не только в борьбе за Армению, но и в его борьбе за Болгарию, также страдающую от турецкого ига и как бы кричавшую человечеству: *«Не во вред кому-либо я хочу быть независимой, а ради счастья своего и человечества».*¹⁵⁵

Уже эти последние слова свидетельствуют о том, что счастье каждого отдельного народа Нжде связывал со счастьем всего человечества. Глубоко осознавая эту космическую связь народов, он вслед за Господом своим Иисусом Христом говорил:

*«Я – друг несправедливо гонимому, брат – угнетённому и соратник – борцу за справедливый мир от полюса до полюса. Моё исповедание – человечность и ещё большая человечность. Я – человек духа».*¹⁵⁶

Свою духовность он подчёркивал на фоне и вопреки миру, погрязшему в материализме и войнах, понимая, что на самом деле мир скрыто воюет с Творцом своим, за то, чтобы дух Божий, или арийский, не мог установиться в человеке и чтобы последний, потеряв окончательно Своего Творца, образом Которого он должен был быть, никогда бы не смог выбраться из разряда животных. Поэтому цехакрон, или религия рода Нжде является, фактически, не только призывом к армянам вспомнить об образовавшем их Духе Творца, но и всеобщим призывом ко всем народам сделать то же самое: опираясь на Дух образовавшего их Творца, изгнать из себя всё, что не принадлежит этому духу, а принадлежит духу плоти, убивающему богосозданную душу.

Поэтому религия рода была попыткой (к сожалению, пока незавершённой) новой евангелизации армян, необходимость в которой возникла, спустя 17 веков после принятия ими христианства, ибо, подчинившись власти мира, они, фактически, подчинились власти смертной плоти над ними в ущерб духу и, впрочем, как и прочие народы, потеряли своё арийство.

Таким образом, можно сказать, что религия рода противопоставляла себя миру зла, сила которого находится в смерти, и считала, что единственным путём освобождения от неё и выхода на горизонты вечности является отбросить страх смерти и, если придётся, «смертью смерть поправить».

Как это очевидно, здесь та же мысль, которая красной нитью проходит по всему Новому Завету:

«Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти.» (Рим 6: 3-9)

Примечания

1. Հերոսը — դա մահէն աւելի զօրաւոր մարդն է: Դա յաւիտենականի կրողն ու սպասաւորն է մեր անցաւոր կեանքում: (Խորհրդածություններ «Ռազմիկ», 1940թ., թիւ 156)
2. Կրելով կնիքը Հայաստանի բնութեան ու պատմութեան՝ հա՛յ եմ ես:
Մտածումով եւ ապրումներով, սակայն, ես մարդ եմ, համամա՛րդ: Ես ընկերն եմ անիրաւուածի, եղբայրը՝ հալածուողի, եւ զինակիցը՝ բեւեռէ բեւեռ աւելի արդար աշխարհի համար մարտնչողների: Դաւանանքս է — մարդկայնութի՛ւն, աւելի՛ մարդկայնութիւն: Ոգու մարդ եմ, (Անձնավկայի թիվն)
3. «Յեղակրօնութիւնը Հիթլերութիւն կը հոտի»: Նա այսպէս չարամեկնեց, գիտնալով հանդերձ, որ ցեղակրօնութիւնը ծնունդ է առել մեր հայրենի Լեռնաշխարհի զլխին կախւած մեծ վտանգի օրերին, **երբ մարդկութիւնը լսած չէր Հիթլերականութեան մասին**: Յանձին մեր Դաւիթբեգեան ցեղապահ ուխտերի՝ 1920-ին գործեց ու յաղթանակեց ցեղակրօնութիւնը: (Յեղի հավիտենական գենքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2),
4. «... դարերով օտար կրունկների տակ տրոբրուող «քրիստոնէական արհամարհուած հօտը» (...) «մարդկութեան անիրաւութեան կողմից աշխարհի քարտէսից անհետանալու դատապարտուած մեր հայրենիքը, որն աշխարհագրական կէտ կը համարուէր այլեւս, հոչակուեց անկախ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)
5. «Այնպիսի ձեռով մը կնքուած է Լօզանի դաշնագիրը, որ իբր թէ հայերը գոյութիւն չունենային», — ասում է Հ.Հ. Պատուիրակութիւնը Ազգերի Դաշնակցութեան ուղղած իր մի գրութեան մէջ:
Այո՛, «ընդունելի չէ — ասենք Կրաֆտ Բոնարի հետ — որ գրչի մէկ հարուածով ժողովուրդ մը ջնջուի»: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)
6. Երբե՛ք, ա՛հ, երբե՛ք հայ անուան շուրջն ա՛յնքան ամօթանք չէր կուտակուել, որքան վերջին տասնամեակի ընթացքում: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
7. «Նա,- ասել է Լակտենցին,- որն սպանել է միայն մէկին, դատապարտուած է որպէս յանցագործ: Բայց մորթեցէք հազար հոգի, արիւնով հեղեղէք երկիրը, դիակներով վարակէք գետերը եւ ձեզ տեղ կը տան Ողիմպի վրայ...»: «ԷՋԵՐ ԻՄ ՕՐԱԳՐԷՆ» (Գրքույկով տպագրվել է Կահիրեում, 1924թ.)
8. Յեղակրօնութիւն — ա՛յդ կը թելադրէ մեզ Ապրիլեան Եղեռնի խորհուրդը խորին:՝ (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)
9. Այսօր, երբ մեր Հայրենիքում **կարմիր գերեզմանափորները** հայոց ցեղն ու աստուածն են թաղում, եւ նրանց բրիչների ձայնն արձագանգում է խորհրդային գծից դուրս. մեր այս վշտաշունչ օրերին, երբ թուրքը՝ Լոզանից ձեռք բերած անպատժութեան արտօնագիրը ծոցը՝ բաց ճակատ շրջում է արեւի տակ եւ իր եաթաղանից մազապուրծ հայութեան ոչնչացումը որոճում — այս, մեզ համար անփառունակ օրերին, երբ չարագուշակ բուերն են հսկում մեր հաւաքական ճակատագրին — **թո՛ղ ցեղակրօնութեան խօսքը հնչէ որպէս կազդուրիչ կանչ**: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)

10. Եւ այդ մեր օրերում, երբ ամէն հայ մարդ քաջ գիտէ, որ նորահաս սերունդը հաւասարապէս վտանգւած է Փարիզում թէ Թաւրիզում, Սուրիոյ մէջ թէ Բալկաններում — մեր բոլոր գաղութներում, եւ որ **նա՛նք՝ նուաստութեան զգացումից ազատուելու համար, կարիք ունի մի ցեղային ide´e force-ի, ցեղային կազմութիւնի — ցեղակրօնութեա՛ն:** (Յեղի հավիտենական զենքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2)

11. Իմ ցեղը, իմ ժառանգած էութիւնը, իմ *նախահոգին* — ահա՛ տիեզերաբարձնումի միակ բանալին: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

12. Նա ժամանակների վկան է, յաւիտենական հայը, Աստուծոյ գործակիցը: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խոռվք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)

13. Յեղն աստուածային այն բրուտն է, որ Հայաստանի հողից ստեղծեց մեր մարմինը, հայոց պատմութիւնից՝ մեր ոգին: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

14. Ըստ մեզ — ասէնք առանց տեսական խորացումների — ցեղն աւելի հոգի է, քան կա: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խոռվք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)

15. **Ահա՛ թէ ինչու եմ ասում դարձ դէպի ցեղը, որ ենթադրում է ոգի եւ արին:** (Մեր նոր սերունդը «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 5, 7)

16. О значении слова «арийский» см. в моих трудах: «О библейских корнях армянского Хайквы» и «О понятиях народ, арийцы, семиты и хамиты» - Буэнос-Айрес, 2019

17. Ժողովուրդների համար — որոնք իրենց պատմութեան մէջ յայտնաբերում են այն, **ինչ որ զօրութենապէս դրուած է իրենց արեան մէջ ժողովուրդների համար խորապէս ցեղորէն ապրելը** (ներցեղային բարոյականով առաջնորդուելը) դառնում է անհրաժեշտութիւն հետեւեալ պատճառներով. (Հայու ճամբան՝ մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)

18. Ազգերն իրենց ծոցի մէջ կ'ապրեցնեն մի որակական փոքրամասնութիւն, — սուրբը, լուսակիրը, հերոսը — որ կ'ապրի ոչ իր անձով եւ ոչ իր անձի համար, որ կը մեռնէ՝ չմեռնելու, կը մեռնէ՝ իր ցեղն ապրեցնելու համար: Ոգու ազնուականութիւնն է այդ համացեղ փոքրամասնութիւնը, ժողովուրդների ամենամեծ, անկորնչելի եւ անմեռ հարստութիւնը: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

19. Սուրբը, որ ոսկէ շղթայով անհատի ու ժողովուրդների **հայեացքը կապուած կը պահէ աստղերին՝** այդ վերջինները կեանքի ճահճէն ու բարոյական նեխութենէն զերծ պահելու համար: **Լուսակիրը, որ կը հալածէ խաւարը, անհատի եւ հաւաքականութեան հերոսը,** որ կոթնած իր յաղթական սրին՝ արթուն կը հսկէ հայրենի սահմանների վրայ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

20. Յեղը արիութիւն է, նա՛նք եւ արիապաշտութիւն: (Ի՞նչ է ցեղակրօնությունը: Յեթաին արթնացում»)

21. Զմոռանա՛նք, չմոռանա՛նք, չմոռանա՛նք այդ իրողութիւնը, որպէսզի այսուհետեւ աւելի ջերմ պաշտամունքով փարինք մեր ցեղին, իբրեւ մեր միակ ապաւենին, **իբրեւ մեր երկրորդ աստուածութեան:** (Հայու ճամբան՝ մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)

22. Ոչինչ են անհատը ու ազգը, եթէ նրանց պակասում է աստուածային գիծը: Առանց սրբի, լուսակիրի եւ հերոսի՝ գոյութիւն չէր ունենայ հոգեւոր մշակոյթը, եւ մարդկային ցեղը դատապարտուած կը լինէր քարշ տալու անասնաբուսական մի տխուր գոյութիւն: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

23. Ազգային բարոյական: Դա է անհրաժեշտ հիմքը ազգի հոգեւոր կառոյցի, եւ դրանում է կայանում ազգի իրական ոյժը: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
24. **Ամէն ցեղ մեր Երկրագնդի վրայ կոչուած է իրականացնելու մի որոշ առաքելութիւն:** (Հայու ճամբան՝ մեծ գղջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)
25. Այս կամ այն ցեղը մօտաւոր ճշդութեամբ դիմագծելու համար՝ նրան պիտի դիտել իր հոգու հայելիի՝ իր կրօնի մէջ, որովհետեւ ցեղի մօտաւոր ինքնայայտնութիւնը հնարաւոր է միայն իր աստուածների միջոցով: (Յեղափոխություն իբրեւլ հաղթանակի զօրոյթ «Խոռվք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
26. Յեղը աստուածանման Հայկն է, որ իր եռացող զայրոյթը եռաթելեան աղեղի մէջ դրած՝ թշնամուն ուղղեց: (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում»)
27. Более подробно см. об этом в моей статье «О библейских корнях армянского предания о Хайке, Буэнос-Айрес, 2019.
28. Ոգեշունչ էր քրիստոնէութիւնը եւ հէնց այդ է պատճառը, որ նրա գիրկը նետուողներէն առաջինը՝ եղաւ հայը: Հասկանա՛նք — մեր ժողովրդի ամենագօրաւոր զէնքը միշտ էլ եղել է ոգին: (Յեղի հավիտենական զէնքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2)
29. Ոգեշունչ է հայ ռազմիկը եւ այդ է պատճառը, որ նա Արեւելքի լաւագոյն պարտիզանն էր, է՛ եւ այսօր, որ նա շատ անգամ սակաւաձեռն ոյժերով հսկայաթիւ բանակների դէմ է ճակատել, որ կոնիւնէր է վարել ամենադժուարին պայմանների մէջ՝ կէս-կուշտ, կէս-քաղցած, առանց նւագագոյն տէխնիք միջոցների, առանց զինակիցների, մենա՛կ ու յաճախ՝ իսպառ կտրուած աշխարհից: (Յեղի հավիտենական զէնքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2)
30. Ընդունել ցեղի գերագահութիւնը ժողովրդի վրայ, նշանակում է՝ ընդունել յաւիտենականի գերագահութիւնը առօրեայի, ոգուն՝ նիւթի վրայ: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
31. արիացի՛ր, քանզի քեզ հետ է ցեղդ, որն ապրել է ուզում: Դա ասել է՝ նայէ՛, **վերենւ աչք կայ**, որ տեսնում է քեզ, արթուն աչքը նախահայրիդ, որ կը հետեւի քո բոլոր շարժումներին:(Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)
32. Վահագնի հետ պիտի խօսի հայ մարդը հիմա — Աստուածը հին հայոց, Աստուածը Արիութեան եւ Յաղթանակի: (*Անարիությունը — մայր չարյաց «Արաքս» օրաթերթ, Սոֆիա 1926թ., 11 փետրվար*)
33. Ընդունել ցեղի գերագահութիւնը ժողովրդի վրայ, նշանակում է՝ ընդունել յաւիտենականի գերագահութիւնը առօրեայի, ոգուն՝ նիւթի վրայ: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
34. Здесь хочу отметить, что языческо и экзистенциальность вообще противоречат друг другу, поэтому «вместе армянская языческая религия» правильнее было бы сказать просто «древнее армянское верование»
35. Հայը լինելիական է, — հաստատում է հայոց հեթանոս կրօնը: Լինելիական է հայը — ահա՛ ակն ու աղբիւրը մեր մեծ Յոյսի եւ Զօրոյթի: Այս է, որ յուրախութիւն թուրքի, դէռ չի գիտակցում հայ մտաւորականութիւնը՝ իր մեծամասնութեան մէջ: (Յեղափոխություն իբրեւլ հաղթանակի զօրոյթ «Խոռվք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
36. **Էականը յաւիտենական հայկականութիւնն է**, որ ազգութիւնը նուիրագործում է իր ամէն մի անդամի մէջ: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

37. «Մեր պապերից մեր ականջն է ընկել, մեզնից մեր որդիքը կիմանան»... ահա՛
ցեղային օրգանական մտածողությունը, որ այսօր պայքարի մեջ է ազգալուծիչ եւ
ապականարար սեմիտական ոգու հետ: (Մեծ գաղափար «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 159)
38. Հայ ցեղը — դա հայ հողն է՝ համակ բոց ու զօրոյթ, որ ասում է անխօսես սնում եւ
նրանցով, որոնց՝ սնուցանում եւ: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ
«Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
39. Յե՛ղն է այս կամ այն երկիրը դարձնում հայրենիք: Հողն առանց ցեղի, ասել է՝
մարմին առանց հոգու: (Երբ հայրենասիրությունը ցեղասիրություն չէ «Ռազմիկ», 1941թ.,
թիւ 11, 12)
40. Դա՛ հայրենիքը, մի հոգեւոր իրականություն է, դա «մի բան է ոգուց եւ ոգու համար»:
(Մեռնելու կամք «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1939թ., թիւ 7)
41. Հայրենիքն է ոգու ամենասրբազան թանձրացեալ ստեղծագործությունը: (Ինչու
տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 5-6)
42. Իմ հոգին զոյգ լենարաններ ունի - Աստուած եւ Հայրենիք: : (Հայրենիք,
խորհրդածություններ «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 2)
43. Մեր երկրագնդի վրայ, ուխտերից ամենասրբազանը մի՛ շտ էլ կնքուած է եղել
Աստուծոյ եւ Հայրենիքի համար: Deo et Patria! Նմաններից էր Սամիկոնեից Ուխտը:
(Մեռնելու կամք «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1939թ., թիւ 7)
44. Автор исторического романа «40 дней Муса-дага».
45. Յեղօրէն անինքնաճանաչ է հայությունը: Ամօ՛ր թ մեզ — օտարը, Ֆրանց Վերֆելը պիտի
գար ասելու — «ոգու ժողովուրդ է հայը»: **Այո՛, ոգու ժողովուրդ ենք** եւ այդ իսկ
պատճառով այն բոլոր վարդապետությունները, որոնք դիմագուրկ ոգու ծնունդ են,
օրինակ՝ սոցիալիզմ, բոլշեւիզմ, կոսմոպոլիտիզմ — մնում են անմարսելի եւ
անհարազատ հայ հոգու համար: (Յեղի հավիտենական զենքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա,
1938թ., թիւ 1-2)
46. Ի՞նչ էինք երէկ: Այդ մասին թող խօսի ինքը՝ դարերի հայը. «Մի տնից չէինք, բայց մի
ձէնով էինք»: Յեղօրէն բարոյական էր հայը. «Մէջք մէջքի տանք՝ սարեր շուռ տանք»:
Սոցիալապէս առողջ էր նա. «Հացն Աստծուց, ես էլ հետը, ո՛վ հասնի՝ թող ուտի»:
Սոցիալապէս արդար էր. «Այն մարդը, որ Աստուած ունի՝ աղքատ չէ»: Իդէալիստ էր նա.
«Հող ու մոխիր կէ ր, տմարդէն հաց մի՛ մուրար»... Յեղօրէն հպարտ էր. «Հայը չյոզնի՝ չի՛
նստի»: Ծուլութեան հացը չսիրող է. «Ուտքը քարին գարնուի՝ խղճմտանքը քննէ՛»:
Բարոյապէս զգայուն էր. «Իր ծառը ծարաւ թողած ուրիշինը ջրողը ո՛չ յարութիւն ունի, ո՛չ
էլ թողութիւն»: Ազգայնօրէն զգաստ էր. «Առիծը կատուին խեղդել չեմ տայ»: Տղամարդ էր
հայը: Ա՛յս էինք երէկ — որակի՛ ազգ: (Խոսաբցություն մը զորավար Գ.Նժդեհի հետ
«Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
47. Յեղամարդ էր հայը՝ յաւիտենականի ու կատարելութեան, ընկերային արդարութեան
ու հերոսականի, միութեան եւ ուղղութեան զգացումներով զօրաւոր: (Հայու ճամբան՝
մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)
48. Արին է յանդգնողը, անձնագոհը, մարդասէրը: Արիութիւնն է շարժում պատմութեան
ընթացքը: Մեծ սիրտ, ազնիւ նկարագիր, վսեմ մտածում – արիութեան հարազատներն
են այդ բոլորը, ճառագայթները միեւնոյն արեւի: (Հայ դասական արիութիւնը «Արաքս»,
1930թ., թիւ 25, 26, 27)
49. Արժէքներ, սրբութիւններ, մարդկայնութիւն, գաղափարներ, իդէալներ, հոգեկան ոյժ,
լեզու, արուեստներ, իմաստութիւն, իմաստասիրութիւն, առաջնորդութիւն, հերոսական,

փառք — ոգին է այդ բոլորի ստեղծիչը: (Ինչու տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 5-6)

50. Նա՛ է կապը յաւիտենականի եւ առօրեայի միջեւ: Ճշմարի՛տ առաջնորդ, առանց որին ոչինչ են իշխանութիւնն ու իշխանաւորը: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

51. Մեծ մարդը.- Պարզատես, վշտակիր, հերոս երեւալով հոգեկանօրէն կը փոխի իր միջավայրը: Նրանով կ'արժէքաւորուի, կ'իմաստանայ, կը վեհանայ կեանքը: Նրա խօսքը կ'ազդէ որպէս հրաշէկ կայծ՝ բռնկեցնելով իրեն հետ առնչող սրտերն ու զգացումները: Նրա ներկայութիւնը կ'ազնուացնէ, կը թելաւորէ, կը գօտեպնդէ հոգիները: Նրա շնորհիւ անկարելին կը դառնայ միայն դժուարին, դժուարինը՝ կարելի: Երագները կը դառնան նպատակ, նպատակները՝ իրականութիւն: Կը փոխէ ժողովուրդի հոգեբանութիւնը, ճակատագիրը, պատմութիւնը: **Մեծ մարդը.- Դա Աստուած է**, միայն այն տարբերութեամբ, որ դա իրեն Աստուած կը զգայ միայն իր կեանքի որոշ վայրկեաններում եւ որպէս այդպիսին կը կերտէ իր յաւերժական, իր աստուածարժան գործերը: (Նժդեհի ճառը՝ հաւե հեղափոխական արարչին արտասանված 1924 թվականին, Սոֆիայի գերեզմանատան մեջ, Քրիստափոր Միքայելյանի հուշարձանի բացման առթիվ: «Հայաստան», Պլովդիվ, 1924թ., թիւ 29)

52. Ոգու մարդ եմ, եւ իբրեւ այդպիսին, միանգամայն անյարմար այն բոլոր պաշտօնների համար, որոնք ենթակայից որոշ աստիճանաւորութիւն են պահանջում: Ինձ տրուած չէ քայլել մարդու հետեւից, եթէ նա թագաւոր իսկ լինի: Խղճմտանքէս զատ ես ճանաչում եմ երկու գերագոյն դատաւորներ եւս — Աստուած եւ Ժողովուրդ: (Անձնավկայի թիվն)

53. Նմանների՛ն, գերագոյն նուիրումի ընդունակների՛ն է միայն տրուած զգալ իրենց ոգու անմահութիւնը, եւ, հէնց սրբանում է նրանց բարոյական անկապտելի իշխանութիւնը այն ամէնի վրայ, որ ստոր է, անցողական ու եղծանելի մարդկային կեանքում: : ([Գ. ՆՇԴԵՀԻ ԴԱՄԲԱՆԱԿԱՆ ՃԱՌԸ ԼԵՈՊՈՎԻ ԴԱԳԱՂԻ ԱՌԱՋ](#) «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 9)

54. Для больших подробностей можете обратиться к моей статье «О понятиях народ, арийцы, семиты и хамиты». в моём сайте: www.criteriocristiano.com.ar

55. Ժողովուրդն ընդօրինակող է, ցեղը՝ ստեղծագործ ինքնատիպութիւն: Իբրեւ անկրկնելի անհատականութիւն՝ դա թոյլ չի տալիս ժողովրդին դիմազրկուելու եւ կորչելու «մարդկութեան» մէջ: Իբրեւ բնակենսաբանական գործօն՝ ցեղը ներգործում է ազգութեան վրայ՝ սնուցանելով նրա արմատները: Ժողովուրդը հոգեւոր ցրուածութիւն է. ազգը՝ ոգի, որի ամենակատարեալ արտայայտութիւնը հանդիսանում է հանճարը, սուրբը, հերոսը — ընտրանին, ցեղը կենտրոնացուցիչ ոյժ է: (Հայու ճամբան՝ մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)

56. Մինչ ժողովուրդը միջակութիւններ կը ծնի, ցեղի ինքնայայտութիւնը տեղի կ'ունենայ հերոսների, սուրբերի ու լուսակիրների միջոցաւ: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)

57. (Հայու ճամբան՝ մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)

58. Ժողովուրդը՝ դա հայ հոգու մարտիրոս կողմն է, ցեղը՝ հերոսական: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)

59. Ժողովուրդը՝ դա ա՛յն վախկոտն է, որին ուզեցին գործի ուղարկել եւ նա առարկեց — «դուրսն առիւծ կայ»: Յեղն իրենից դուրս առիւծ չի ճանաչում: Յարանանական է ժողովուրդը — կաթուղիկէ, բողոքական եւ այլն ցեղը մի շտ էլ մի՛ է եւ ամբողջական:

- Ժողովուրդ ասել է դասակարգ եւ դասակարգային եսականութիւն, ցեղն ընկերային արդարութիւն է եւ հնարաւոր հաւասարութիւն: Ժողովուրդը հաշուետես ուղեղ է, ցեղը՝ աւելի սիրտ, որ անհաշիւ կերպով գոհաբերել գիտէ: Երբ ժողովրդի մէջ ցեղը չի շնչում, նա ծալում է արծւի իր թելերը: Երբ ժողովրդի մէջ արթուն չէ ցեղը — նա տառապում է հոգեւոր ամլութեամբ եւ քաղաքական համկէտականութեամբ: Դա՝ Հայ Աստուան է, որ իր ուսերի վրա հայկականութեան երկինքն է կրում: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի գորոյթ «Խոռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
60. Յեղս ընկերային արդարութեան անշեղ դատաւորն է, որ կը մերժէ դասակարգային ամեն հասկացողութիւն: (Յեղակրոնի դավանանքը)
61. Նայիր 59
62. աստուածային արհամարհանք դէպի մահը: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ.)
63. տարօնաշունչ հայը իր մահով կը յաղթանակէր մահը եւ իրեն կ'ենթարկէր յաւիտենական կեանքը՝ անմահութիւնը: (Տարօնականության Մասին «Ռազմիկ», Պլովդիվ, 1938թ., թիւ 46)
64. Դա ձգտումն է՝ վազքը մեր ցեղի ոգու - մեր լուսեղէն նշանագրերի - դէպի արեւը, կեանքի աղբիւրը, լոյսը: (Տարօնականության Մասին «Ռազմիկ», Պլովդիվ, 1938թ., թիւ 46)
65. Ոյժ է ճշմարտութիւնը: Չկայ ոյժ առանց ճշմարտութեան: Չկայ փրկութիւն առանց ոյժի: Ճշմարտութիւններ... որոնցմով այնքան ուժեղ են եւրոպական ժողովուրդները: (Օրերի Օրը «Արաքս», Սոֆիա, 1926թ., թիւ 99)
66. Ճշմարտությունը գործում է և ազդում միայն ոգու միջոցով: (Ինչու տարնականություն «Տարոնի արծիվ», Սոֆիա, 1938թ., թիվ 5-6)
67. Более подробно об этом см. в моей книге «Каков библейский Бог и каково Его творение. два райских древа» Буэнос –Айрес 2019.
68. Յեղն արարիչ է, ժողովուրդը՝ արարած: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի գորոյթ «Խոռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
69. Արիութիւն – միակ ճշմարիտ բարոյականը: (Հայ դասական արիութիւնը «Արաքս», 1930թ., թիւ 25, 26, 27)
70. Հերոսը — դա մահէն աւելի զօրաւոր մարդն է: Դա յաւիտենականի կրողն ու սպասաւորն է մեր անցաւոր կեանքում: (Խորհրդածություններ «Ռազմիկ», 1940թ., թիւ 156)
71. Իսկ ոգու մարդ ասել է՝ ցեղամարդ: Նմանին, միայն նմանին կարելի է հայ ժողովուրդը եւ երկիրը վստահել: (Յեղի հավիտենական զենքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2)
72. Միայլ է, աւելին՝ ոճիր է կարծել, թէ բոլոր ճշմարտութիւնները մարդու պէս մահկանացու են, թէ նրանք էլ մեզ պէս ծնունդ են, ապրում, սպառում, մեռնում: Ո՛չ, ո՛չ, ճշմարտութիւններ կան, որոնք անմեռ են, յաւիտենական, (...) Այդ կարգի ճշմարտութիւններից են նրանք, որոնք վերաբերում են հայրենիքին, մահուան, յաղթանակին, առաջնորդին, պարտականութեան եւ այլն: (Տարօնականության Մասին «Ռազմիկ», Պլովդիվ, 1938թ., թիւ 46)
73. Եւ ասում ենք մենք՝ միշտ էլ արդար է, որ մեր կեանքում օրէնսդրէ եւ առաջնորդէ ցեղը, եւ ոչ թէ ժողովուրդը: (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)
74. Հայը պիտի դաւանի <հոգու> առաջնութիւնը նիւթի նկատմամբ (Խոսաքցություն մը զորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

75. Նախանձ, թշնամանք, չարություն — այդ մութ ոյժերը գործի են անցնում, հենց որ քուն է մտնում Աստուածայինը հասարակութեան մէջ: (Մի զինվորի ճշմարտությունները «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 33)

76. Ընդհակառակը՝ կ'ընկնեն, կը պարտուն, կը մեռնեն ժողովուրդները, երբ կը թունաւորուեն **անասնացող նիթապաշտութեամբ**, երբ նրանց մեծամասնութիւնը **իր Աստուածը կը դարձնէ անձնական կաշին**, երբ **կը ժխտէ այլասիրական ամեն տեսակի պարտականութիւն** եւ վախով ու անվատահութեամբ կը նայէ իր ապագային: : (Օրերի Օրը «Արաքս», Սոֆիա, 1926թ., թիւ 99)

77. Քանի դեռ մարդ արարածը անգոր գոհն է վախի՝ կեղծ են ե՛ւ կրօնը, ե՛ւ գիտութիւնը, ե՛ւ դաստիարակութիւնը: Չկայ հրէշ, աւելի անողոք եւ անողորմ քան վախը՝ կոյր անասունների, — բնագրական՝ վայրենիների եւ գիտակցական մարդու մէջ. մի հրէշ, որը կռուադաշտում իրեն ապաւինողներին յանձնում է թշնամու եւ մահուան ձեռքը:

Վախը սպանում է մեր խիղճը, մոռացնել տալիս մեր պարտականութիւնները, ուժեղացնելով անասունը մեր մէջ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

78. Հակառակ իր ստեղծած մեծ քաղաքակրթութեան՝ մարդը այսօր էլ դեռ աւելի կաւ է, քան՝ ոգի: Այդ իսկ պատճառով, նա յաճախ առհասարակ մղում է ընդվզելու այն բոլոր գույքի արժէքների, ճշմարտութեանց եւ սրբութիւնների դէմ, որոնք կոչուած են սանձուած պահելու անասունն ու անասնականութիւնը նրա մէջ: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

79. Քաղաքականապէս ազատ ենք, բայց եւ այնպէս ստրկականության շղթաների հետքեր ենք թողնում: (Երջանկության պրորէմը)

80. Չար անասուն է մարդս, երբ նախանձում է: Մեր աշխարհում միշտ էլ վատասիրտը հայիոյէլ է աներկիւղ ասպետին, երկչոտը՝ մութ անկիւնից քար նետել հերոսին: (Գարեգին Նժդեհ. Կտակ «Ռազմիկ» 25 Դեկտ. 1940, թիւ 1)

81. Դա մի ժամանակաշրջան էր, երբ նախանձի դելուվ բռնուած հայ նախարարները, չնչին բացառութեամբ, ծառայութիւնն օտարին աւելի տանելի կը համարէին, քան իրար ենթարկուելը: Թշնամիների բարբարոս հարկահաւաքութեան դիմացող հայն այլէւս չէր հանդուրժեր իր եղբոր մի հատիկ դառը խօսքին: Ոչ ոք կը ճանաչէր իրենից աւելի ձեռնհասը, արժանաւորը, մեծը: Քիչերը կուզէին հասկանալ, թէ հարագատ հայրենիքում եղբոր աջակցութիւնը, որքան էլ որ համեստ լինի, աւելի արժէ քան արտաքին օգնութիւնը, որը չէ տրուում ձրիաբար: Կար երկպառակութեան մաշող ախտը, որը կը մղէր Սահակ Մեծին իր դառնութեան ժամերից մէկում զարկելու հայութեան երեսին՝ «Քահանայանալ ի վերայ տիրանենգ, եւ տիրասպան, եւ մատնիչ ժողովրդոց ոչ կարեմ»: Կար ներքին իրարակերութիւնը, որ հայ կաթողիկոսին արդար ցատումով ասել կուտար — «Ի տանէ առաւել քան յօտարաց բուսաւ մարտ դառնութեան: Յովհաննէս»: Կար ներքին «դժոխքը», որ կը թելադրէր հայ պատմագրին — «ազգս հայոց, որք մատամբ եւ կամօքն իւրեանց կուրացուցին զաչս իւրեանց. զի ինքեանք կործանեցին զթագաւորութիւն իւրեանց: Առաքել» Կարծէք ճակատագիրը լեզուների խառնակութեան նոր պատիժ է տուել մեզ՝ իրար չհասկանալ: Չարհուրելի է օրուայ հայ խօսքը. — «Անոնց բերանը բաց գերեզման է» (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

82. քանի դեռ կայ անարի հայր — կը լինի ներքին թշնամին. իսկ քանի դեռ կայ այդ հրեշը — քաղաքական աւելի բարւոյք վիճակը երազ պիտի մնայ մեզ համար:
(*Անարիությունը — մայր չարյաց «Արաքս» օրաթերթ, Սոֆիա 1926թ., 11 փետրվար*)
83. «Ոսկրի որդ» այսպէս է խօսում Աստուածաշունչը նախանձի մասին: Միշտ էլ թուլութեան ծնունդ՝ նախանձը չէ կարողանում տանել ուրիշների բարիքը, յաջողութիւնը, փառքը եւ զինուում է նրանց դէմ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ.)
84. Եւ միշտ էլ բարոյապէս տկարացած մարդը իր անկումն արդարացնելու հաշուով, փնտռել է մի տեսութիւն, մի դաւանանք, մի իմաստասիրութիւն: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
85. Բարոյական դեմոկրատիան, մարդկային արարածի անկատարելութեան պատճառով, կը մնայ երազ, ինչպէս երազ մնաց ճշմարիտ քրիստոնէութիւնը: Իսկ թուաբանական դեմոկրատիայի ղեկավարները, թուղթի վրայ, տեսականօրէն, ենթարկուելով հանրութեան կամքին, գործնականում — պառակտելով եւ աղաւաղելով ազգի ոգին — նրան ծառայեցնում են իրենց անձնական եւ խմբակցական շահերին: Մարդկային բանականութեան ու բարոյականի կողմից ժխտուած այդ անիշխանացուցիչ ու ապականարար վարչաձեւի, ինչպէս եւ իր հոգեւոր ծնող լիբերալիզմի գերեզմանի փորձ էր եւրոպական պատերազմը (Պատերազմ՝ ցեղափոխություն «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 13, 14, 15)
86. Յաղթական մարդիկ չեն ծնում **նիւթապաշտիկ մարքսականութիւնից**, ընկերվարութիւնից: Զինուորութիւնը — ամէն բանից առաջ — հոգեվիճակ է: Իբրեւ արուեստ՝ դա հայրենի հողի համար խիզախել ու մեռնել գիտնալու արուեստ է: (Պատմության դատաստանը «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 26, 27)
87. Հայ հոգին պահել անառիկ **ազգասպան լենինականութեան** յարձակումների դէմ: (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)
88. Օտար, փոխառիկ, կեղծ գաղափարները այլեւս պղտորել էին հայկական տոհմիկ, վճիտ — եւ իր խորքում՝ բարոյական — մտածողութիւնը: Այլեւս հայութիւնը մի եւ անբաժանելի չէ՝ ր՝ մտքով արժեքապարտմով, կամքով: Այլեւս սկսուած էր ա զ գ ի ա պ ա զ գ ա յ ն ա ց ու մ ը — ազգաքանդութիւնը, մի բան, որ դեռ շարունակուում է մեր ապրած օրերի եւ մեր ցեղի էաբանական խորքի հետ կապ չունեցող խմբակցութիւնների կողմից: (Հայու ճամբան՝ մեծ գոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)
89. Հայը՝ դեռ անհայրենատէր, կուսակցականացաւ, հատուածականացաւ — մի պարագայ, որի պատճառով թերի մնաց Նազարեանների օրով սկսուած այնքան խոստմնալի իր վերածնունդը: Այդ իսկ պատճառով՝ հայութիւնը չկարողացաւ յաղթահարել իր ներքին տկարութիւնները — չկարողացաւ թարմանալ ցեղօրէն, վերանորոգուել, ամբողջանալ իբրեւ ազգ: Սրանով — բնաւ չանգիտանալով արտաքին պատճառները — նաե՛ւ սրանով պիտի բացատրել մեր ժողովրդի կրած թէ՛ - աղէտները եւ թէ՛ օրուայ անգօր ու անկար վիճակը: (Յեղ թէ կուսակցություն «Ռազմիկ», 1942թ., թիւ 3)
90. Կուսակցութիւնները «հասարակութեան մէջ փնտռում է տղէտը, միամիտը, չարարուեստը, եւ նրանց տկարութեան վրայ կառուցում իր հոգեւոր իշխանութիւնը:» (Մեծ գաղափար «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 159)

91. Յեղավարն, ընդհակառակը, **իր ժողովրդի ծոցի մէջ փնտռում է հայօրէն եւ մարդկօրէն անշահասէրն ու առաքինին, եւ նրանց վստահում ազգի գործը, դատը, ճակատագիրը:** (Մեծ գաղափար «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 159)
92. հայութիւնը՝ դատարկուելով ցեղային իրականութիւնից, կը դառնար վայրկեանի արտաքին շահերով ապրող ժողովուրդ՝ ատակ իր ապրած աղէտներին, եւ արժանի օրուայ իր ճակատագրին: (Հայու ճամբան՝ մեծ զոջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)
93. Երբ չկայ ցեղի գիտակցութիւնը, կայ ժողովրդի ստորարժեքութեան եւ տկարութեան գիտակցութիւնը, - այդ գիտակցութեան դառնութիւնը: Յեղով կ'ապրի, կը ստեղծագործէ, կը յաւերժանայ ժողովուրդը: Արդ, թէ ինչո՞ւ ցեղային անհատականութեան եղծումը ցեղակրօնը կը համարէ ոճիր՝ ուղղուած մարդկութեան, եւ, ի մասնաւորի, իր ժողովրդի դէմ: Յեղակրօնը կը խորշի այն բոլոր հոսանքներէն եւ վարդապետութիւններէն, որոնք կը միտին մեր նորահաս սերունդը հեռու պահել ցեղի կազդուրիչ ստիւնքէն — կաթէն: (Ի՞նչ է ցեղակրօնությունը: Յեթաին արթնացում)
- 94. Նման չարարուեստ էակներից շաղխուած մի ցածոգի ամբոյս, դարեր առաջ, արդարն Արիստիդէսին - իր ծայրահեղ ազնուութեան համար - հայրենի հողէն ու ջրէն օգտուելու իրաւունքից զրկեց. դա սպանեց Սոկրատէսին, եւ, աւագակների հետ՝ խաչ հանեց Նագովրեցուն: (Գարեգին Նժդեհ. Կտակ «Ռազմիկ» 25 Դեկտ. 1940, թիւ 1)**
- 95. ոգեզուրկ հայ հաւաքականութիւնը եղած է ու կը մնայ ամենավտանգաւոր ամբոյսը: Նման մի ամբոյս մի օր քեմալական չետաներին յանձնեց մեր Ղարսը՝ (Ինչու տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 5-6)**
96. Արիութիւն — յետ այսու սա՛ պիտի լինի հայ մարդու կոչումը: (*Անարիությունը — մայր չարչաց «Արարք» օրաթերթ, Սոֆիա 1926թ., 11 փետրվար*)
97. Ո՞վ հեռանում է կրօնից՝ անձնասպանօրէն կտրում է իր հոգեւոր զարկերակը: Իր արարչի դէմ գործողը պիտի չքաշուի գործել եւ իր նմանների դէմ: Կրօնը — իմաստասիրօրէն առնուած — միայն արարածի եւ Արարչի յարաբերութիւն չէ՛, այլ եւ՝ մարդու եւ մարդու, անհատի եւ հաւաքականութեան, անձի եւ ճշմարտութեան յարաբերութիւն: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
98. Կրօնաշունչ է, ընդհանրապէս, կեանքի մասին իդեալիստական ըմբռնում ունեցող ամէն մարդ: Նա, ո՞վ ընդունում է Աստուծոյ գոյութիւնը՝ ընդունում է նաեւ իր պարտականութիւնը հանդէպ գերագոյն իրականութեանց — ազգ, հայրենիք, պետութիւն: Ուզո՞ւմ էք խորապէս ճանաչել մէկին՝ խօսէ՛ք եւ խօսեցրէ՛ք նրան Աստուծոյ մասին, եւ նա իր պաշտանքի կամ անհաւատութեան միջոցաւ պիտի մատնէ իր հոգեւոր հասակը: Անաստուա՞ծ էս, ասել է՝ գուրկ էս սրբութեան նուիրումից, պարտականութեան զգացումից. ասել է՝ վաղ թէ ուշ դու պիտի դաւաճանես նմաններիդ: (...) Մարդկութեան թշնամի է ամէն «գիտնական», որ թութակում է «գիտութիւնը ո՛չ կրօն ունի, ո՛չ էլ հայրենիք»: Մեր Երկրագնդի վրայ անհայրենիք, անցեղ եւ անաստուած է մարդկային տկարութի՛ւնը, ստորութի՛ւնը միայն: (Խոսաքցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)
99. Գիտութիւն, կրօն՝ սրանք թշնամիներ չեն, այլ՝ զինակիցներ, որոնցից մէկը գործում է մտքի, միւսը՝ սրտի միջոցով: Չարութիւն է շնչում ամէն անկրօն: Մարդկային անհատը միայն ա՛յն չափով է ընկերային, ինչ չափով որ դա կրօնաշունչ է: Կրօնապէս տկարացա՞ւ մարդկութիւնը — եւ ահա՛ այլեւս երկինք չունի նա. փլաւ նրա յոյսերի

աշխարհը. այսօր այնտեղ էլ մահն է գործում իր դեմ: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

100. Կրօնը – դա ծնունդ է աստվածութիան ծարավի մարդկային հոգու, ցեղակրօնութիւնը՝ հայրենիքի համար ամեն վայրկեան արիւնոդ հայկական սրտի: (Մեր նոր սերունդը «Ռազմիկ», 1941թ. թիւ 5. 7)

101. Յեղը, որ էաբանական կորիզ ունի, եւ մշտատեւ պայքարի մէջ է ժամանակի հետ, բնագործն ձգտում է անեղծութեան եւ մահայաղթահարումի: Ահա՛ թէ ինչն է նա կրօնական խորք ունի: (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)

102. ցեղակրօնութիւնը, որ ասել է՝ ցեղաձգտում, ցեղանմանում, հաւատարմութիւն մեր սեփական էութեան: (Մեծ գաղափար «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 159)

103. Ապրելու եւ անկաշկանդ կատարելագործուելու իմ բնական իրաւունքը պայմանաւորում է իմ սեփական պարտականութեամբ՝ յարգելու նմաններիս նոյն իրաւունքը: Հաւասարապէս հակաընկերային են այն անհատներն ու ընկերային խաւերը, որոնք ասում են իրենց մասին՝ «ես ամէն ինչ եմ» կամ՝ «ես ոչինչ եմ»: Ազգերի կեանքում միայն մեծ ամբողջն է «ամէն ինչ», եւ ո՛չ ոք իրաւունք ունի լինելու «ոչինչ»: Ո՛չ թէ սոցիալիստը, այլ՝ սոցիալական անհատը — ահա՛ նոր բարոյականութիւնը, որով լուծում է ընկերային խնդիրը եւ վերջ տրւում ժողովուրդների ներքին իրերակերութեան: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

104. Ազգային բարոյականի տեսակետից՝ մի Գիւլբենկեան աւելի չարժէ, քան՝ Հայաստանի մի գեղջուկ, եւ մի զօրավար, մի ուսուցչապետ, քան՝ մի համեստ արհեստաւոր (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

105. Կը բարձրանան, կը յաղթեն ու կ'ապրեն ժողովուրդները, երբ նրանց մէջ տիրաբար կ'իշխէ բացարձակ անկախութեան ոգին, բայց ազգասիրութիւնը, երբ անհատը, խմբակցութիւնը, դասակարգը Հայրենիքի եւ ընդհանրութեան շահը կը գերադասի անձնականից, երբ մեծամասնութիւնն իրեն աւելի պարտականութեանց տէր կը զգայ, քան իրաւունքների, եւ երբ այդ մեծամասնութեան մէջ կը զգացուի անձնավստահութիւնն եւ անշէջ հաւատը դէպի իր ապագան: (Օրերի Օրը «Արաքս», Սոֆիա, 1926թ., թիւ 99)

106. Նայիր 32

107. **Հայը պիտի դաւանի <հոգու> առաջնութիւնը նիւթի նկատմամբ,** (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

108. Ցեղակրօնի մտածողութիւնն է հարազատօրէն հայկական ու արիական (Զոր.Գ.Նժդեհի խոսքը Հայաստանի անկախության 25- ամյակի տոնակատարության առթիվ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 114)

109. Հայրենիքի համար ապրում եւ մեռնում է ոգո՛ւ մարդը, միա՛յն նմանը: (Հայրենիք, խորհրդածություններ «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 2)

110. Մարտիրոսանալու կամքը եղել է եւ կը մնայ հոգու գերագոյն հերոսականութիւնը: Կրաւորական հերոս,- ահա՛ թէ ով է մարտիրոսը, որ արհամարհել գիտէ մահը: (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)

111. Կա՛յ այդ կամքը — ասել է՝ ենթական յաջողել է հաշտեցնել իր անձը իր ցեղի յաւիտենականի հետ. ասել է՝ նա այլեւս գտած է ինքն իրեն, այլեւս ինքնաճանաչ է, որով եւ՝ տէր իր ցեղի թաքուն ոյժերին: Ճշմարտութեան ու հերոսական բարոյականի մարդ՝ նա այլեւս ճշդած է իր վերաբերմունքը դէպի իր անձը, դէպի իր նմանները, դէպի

ճշմարտությունը: Նմանների հայեացքը միշտ էլ ուղղուած է դէպի յաւիտենականը. այլեւս նմաններին չէ խռովում կեանքի մանրուքը: Իբրեւ ռազմիկ՝ անպարտելի են նմանները: Նմանների հայրենիքում զինուորը կարող է մեռնել, բայց ո՛չ եւ պարտել: Այսպէս էին Մամիկոնեանները: (Մեռնելու կամք «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1939թ., թիւ 7) 112. Զինուորական բարոյականը չէ ասում՝ յաղթանակի՛ր բոլոր դէպքերում, դա ասում է՝ յաղթականօրէն մեռնել գիտցի՛ր բոլոր պայմաններում: Ձէնք, դիրք, քաղաքական վայրկեան — այդ բոլորը կը նպաստեն քո յաղթանակին՝ կը բաւէ, որ դու մեռնելու կամք ունենաս, այսինքն՝ **անձեղ աւելի սիրես այն, որի համար կռի ես դուրս եկել:** Հերոս է նա, որի համար կեանքն արդարացում ունի, երբ դա ապրո՛ւմ է ո՛չ թէ իբրեւ նպատակ, այլ իբրեւ մի սրբազան բանի ծառայեցնելու կամ զոհելու միջոց: (Մեռնելու կամք «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1939թ., թիւ 7)

113. «Տարօնականութիւնն է մեր ցեղային նկարագրի յաղթական գիծը: Տարօնականութի՛ւն ասել է՝ Մամիկոնեանների ճամբով, դա ասել է՝ ցեղի եւ Հայրենիքի համար Մամիկոնեանների պէս մեռնել ուզել ու մեռնել գիտենալ»: (Ինչու տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 5-6)

114. Աճապարենք հարցնել, թէ ինչո՞ւմ է մէկը՝ եօթին, հարիւրը հազարին յաղթելու գաղտնիքը: — Դա պէտք է փնտռել յաղթականի ռազմական, **անձնուէր ոգու մէջ:** Յաղթութիւնը ժպտում է ռազմիկին, որ գիտէ աներկիւղ աչք աչքի գալ մահուան հետ: Յաղթութիւնը ժպտում է նրան, ով գիտէ ժպտադէմ մեռնելու աստուածային գաղտնիքը: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

115. **Նոր աւետարանի խօսքը պիտի լսի հայութիւնը:** (*Անարիությունը — մայր չարյաց «Արաքս» օրաթերթ, Սոֆիա 1926թ., 11 փետրվար*)

116. Հոգեկան ուրախ տրամադրութիւն՝ քրիստոնէական կրօնի հիմքերից մէկն է դա, — ասել է անգլիացի մի աստուածաբան: Բանակների յաջողութեան մայրն է դա, յաղթութեան դայեակը, — աւելացնենք մենք: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

117. Մա՛րդն է իր յաղթութիւնների եւ պարտութիւնների պատճառը: Եւ *յաղթում է նա, որն արդէն յաղթել է իր կենդանական բնագոյը, իր եսը, իր վախը, երբ արդէն յաղթել է ինքն իրեն:* Պարտում է նա, որ արդէն պարտուած է ինքն իրենից, իր վախից, իր բնագոյից, իր եսից:

118. Տարօնականութեան — ցեղի յաւիտենական այդ զէնքին ենք դիմում, որովհետեւ այլեւս աշխարհը մեզ համոզեց, որ ներկայ պայմաններում վտանգի, հերոսականի ու մահուան մարդը միայն կարող է **Հայաստանը ապրեցնել:** (Յեղի հավիտենական զէնքը «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 1-2)

119. Ապրեցա՛, կարող է բացականչել միայն նա, որը գիտէ վարել իր հստակ, կամային եւ զորաց միտքը, որի զգացումը արթուն է, որը ջրդեղել է իր կամքը ժայռեր խորտակող, հատուկ է մեծ զոհաբերությանց եւ մեծագործությունների համար: Նա, որն ընդունում է, **թէ տառապանքը կարելոք եւ անհրաժեշտ բաժինն է մեր գոյության:** (Երջանկության պրոբլեմը)

120. Տառապանքը անհրաժեշտ մաս է մարդկ[ային] մեծության, եւ նա, որ ճգնում է հեռացնելու դա՛՝ սպանում է մարդկային բնության ամենաազնիվ կողմը: (Երջանկության պրոբլեմը)

121. Ո՛՛՛, ո՛՛՛, սուտ չէ, կեղծ չէ տառապանքի ազնուացուցիչ յատկությունը մարդու եւ մարդկային ազգի համար: Կա՛մ մարդ ենք՝ ընդունակ տառապելու եւ ազնուանալու, կամ անասուն: (Տարածուող Անին «Արաքս», Սոֆիա, 1926թ., թիւ 233)
122. Ճակատագիրը, գուցէ եւ վերջին անգամ, **փորձում է մեզ - հայն արժանի՞ է եւ ի վիճակի՞ անկախ հայրենիք ունենալու, թե՛ ոչ:** (Տարածուող Անին «Արաքս», Սոֆիա, 1926թ., թիւ 233)
123. Գեղեցիկ է դափնիով պսակուած ճակատը. սրբազնագոյնն ու համբուրելին, սակայն, կը մնայ ճշմարտութեան համար փշերով պսակուածը: (Մի զինվորի ճշմարտությունները «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 33)
124. Աւելի հեշտ է արդար լինել, քան՝ ամէն գնով արդարութիւնը պաշտպանել: Արդար կարող է լինել անգամ ամենախեղճ մարդը: Արդարութիւնը, սակայն, պաշտպանելու համար պէտք է լինել ո՛չ միայն արդար, այլ եւ՝ տղամարդ, եօթնի՛ ցս տղամարդ: (Մի զինվորի ճշմարտությունները «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 33)
125. Բարձրօրէն հոգեւոր կեանքի սկզբունքը հակասութեան սկզբունք է: Պէ՛տք էր մի յուդա, մարդկային մի սեւ չարութիւն, մի ուրացում, որպէսզի իրենց գերագոյն ողբերգութեան մէջ յաղթանակէին Նազովրեցին ու բարութիւնը: (Մի զինվորի ճշմարտությունները «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 33)
- 126.. մինչեւ որ մեր հարեւանները իրար մէջ մեր ցեղի «զգեստները կը բաժանէին»: (Բաց նամակ Մայքլ Արլենին «Նոր Արաքս», Սոֆիա, 1930թ., թիւ 11, 12, 15-18)
127. Աշխարհի ամենէն անիծապարտ բռնապետութեան արնոտ ձեռքով կը խաչուէր հայ ժողովուրդը: Գողգոթայէն՝ (Նժդեհի ճառը՝ հաւե հեղափոխական արարչին արտասանված 1924 թվականին, Սոֆիայի գերեզմանատան մէջ, Քրիստափոր Միքայելյանի հուշարձանի բացման առթիվ: «Հայաստան», Պլովդիվ, 1924թ., թիւ 29)
128. Եվ հէնց սրանումն է մեր դրութեան փշեպսակը, ինչպէս եւ մեր փրկութեան գրաւականը՝ միաժամանակ: (Յեղափոխություն իբրեւ հաղթանակի զօրոյթ «Խռովք», Սոֆիա, 1932թ., թիւ 1)
129. տառապանքը որպէս միջոց մեր հաւաքական վերածնունդի եւ քաղաքական փրկութեան:՝ (Ի՞նչ է ցեղակրոնությունը: Յեթաին արթնացում)
130. Կա՛ իս է գլուխդ, խոնա՛րի է ճակատդ, բռնութեան լծի տակ երկտակուած է մէջքդ, պատուիդ տէրը չէ՛ ս, ցեղիդ սրբազան լեզուէն օգտուելու իրաւունքն իսկ չունէ՛ ս, վաղո՛ւց է ինչ եկեղեցիներիդ զանգերի քաղցր դօղանջը չես լսում, առանց իտէալի եւ վեհութեան կը սողա՛ ս միայն – ստրո՛ւկ ես՝ դու ես մեղաւոր, դու. Ի՞նչը մղեց քեզ միամտօրէն հաւատալու ցնորապաշտ Նազովրեցու վսեմ, բայց վտանգաւոր խօսքին: Ո՞վ ասաց, որ թոյլը մեղաւոր չէ, որ թոյլ է, եւ որ ուժեղը երախտիք չունի, որ ուժեղ է: Դու խաբուած ես, ժողովուրդ, որ գոհն ես քրիստոնէական բարոյախօսութեան, որ շարունակում է մնալ որպէս ներկ եւ շպար, որպէս քօղ եւ դիմակ ուժեղների հոգու համար: Թուլութիւնը,- ասում է աշխարհը,- ծնուած է սնուցանելու ուժը: Ուժն է ծնում իրաւունքը: Ուժեղին է աշխարհը, հայրենիքը, ազատութիւնը եւ ամէն ինչ: - Ուզո՞ւմ ես վերջ տալ գերմարդկային տառապանքիդ, որի Շէքսպիրը դեռ չէ յայտնուել: Ուզո՞ւմ ես վերջ տալ գողգոթայիդ, որի վրայ որպէս յոյսի ժողովուրդ, կը մեռնես ամէն օր եւ չես մեռնի: Ուզո՞ւմ ես փրկուիլ,- եղիր ուժեղ, քանզի թոյլերը բարեկամ չունեն աշխարհում: Իսկ ուժիդ ապացոյցը տալու համար, ցոյց տուր երկու բան.- առաջինը, որ գիտես մեռնել գիտակցօրէն, կուում գործօն եւ իմաստալի մահով, երկրորդը՝ որ գիտես մեռնել: Ապացուցեցի՞ր այդ, ունեցա՞ր այդ երկու առաքինությունները, մասնաւորապէս

առաջինը՝ փրկուած ես: Այս էր աշխարհը հայկական գողգոթայի հանդէպ: Այսպէս կը պատասխանէր մարդկութիւնը մահուան դատապարտուած այս ժողովուրդին, որը չէր ուզեր մեռնիլ, բայց չէր կարող եւ ապրել: (Նժդէհի ճառը՝ հաւե հեղափոխական արարչին արտասանված 1924 թվականին, Սոֆիայի գերեզմանատան մեջ, Քրիստափոր Միքայելյանի հուշարձանի բացման առթիվ: «Հայաստան», Պլովդիվ, 1924թ., թիւ 29)

131. Քսան երկար ու ձիգ դարեր են անցել Գողգոթայից մինչեւ մեր օրերը, եւ, աւա՛ղ, խաղաղութեան, եղբայրութեան ու սիրոյ Ուսուցչի ասուածաշունչ խօսքը շարունակում է մնալ որպէս «ձայն բարբառոյ յանապատի»: (Էջեր իմ օրագրեն, Կահիրէ, 1924թ.)

132. Երկու հակամարտ ոյժերի արնոտ պատմութիւնը – սրի եւ սիրոյ խօսքի պայքարը – երկու ոյժեր, որոնցից մէկը երազում է վերացնել սահմանները երկրների եւ ժողովուրդների միջից, իսկ միւսը յամառում է հաստատ պահել այդ սահմանները, ասել է եւ ազգամիջեան թշնամանքը՝ իր գոյութիւնը յաւերժացնելու համար: Եւ դեռ իշխում է վերջինը, դեռ ուժեղ ու յաղթական է վերջինը ու յոյս չկայ թէ մեր դարում սուրը կը վերածուի արօրի: (Էջեր իմ օրագրեն, Կահիրէ, 1924թ.)

133. Մամիկոնեանները — որոնց բարոյականը այնքա՛ն պահանջկոտ էր մարտնչող հայ անհատի հանդէպ, որոնց համար աշխարհը շուկա չէր, այլ քաջագործութիւնների ասպարէզ, որոնք գիտէին կեանքին արժէք չտալ գիտցան համադրել քրիստոնէութիւնն ու ազգութիւնը: Սրանով պէտք է բացատրել սրբազանի այն խոր զգացումը, որ դարերով իրենց անգերազանցելի հերոսութեան մայրը հանդիսացաւ: «Առանց Վարդանի եւ Մամիկոնեանց՝ կարելի չէր երբեք, որ Հայաստան փրկուի», - ասում է Հայոց պատմութիւնը՝ մի ճշմարտութիւն, որ ամենայն վճռականութեամբ կարելի է կրկնել եւ ա յօր: (Ինչու տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ., թիւ 5-6)

134. Յաղթանակում է նա, ով իր մէջ բնութիւնը Ոգուն ենթարկելու աստիճան զօրաւոր է: (Խորհրդածություններ «Ռազմիկ», 1940թ., թիւ 156)

135. «Սրանով կը յաղթես»

Հարո՛ւստ է Միւնեաց աշխարհը հինաւորց վանքերով ու բերդերով՝ կիսաւեր ու փլատակ սրբավայրեր, որոնք դարեր շարունակ թուրքի համար ախոռի եւ դարմանանոցի տեղ կը ծառայէին: Այս պարագան, որն իմ ուշադրութիւնը գրաւել էր Միւնիք մտածս հէնց առաջին օրերից, ինձ հնարաւորութիւն ընձեռեց իմ վարած ռազմագործողութիւններին տալ Խաչակրաց արշաւանքի բնոյթ: Իմ զինուորը սրբազան դողով կը նայէր հեքեաթական Գեղուաձորի դուռը փակող Բաղաբերդին, երբ նրա ճակատը կը խոնարհուէր եւ շրթունքները կը շօշափէին իր փլատակների մէջ այնքա՛ն վեհ բերդի քարերը: Իմ զինուորը չէր կարող այլեւս անտարբեր անցնել իր երկրի պատմական յիշատակների մօտով: Եւ հէնց այդ թուլութեան մէջ էր նրա անպարտելի ոյժը: Եւ, այնուհետեւ թշնամու դիրքերի եւ քանակի մասին հարցնելու փոխարէն, Միւնեցին կը հարցնէր հայկական եկեղեցիների եւ բերդերի մասին եւ առաջ կը խոյանար որպէս խաչակիր: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ.)

136. Թւական, թեքնիք, ընդհանրապէս նիւթական տեսակետից մեր ժողովուրդը, հասկանալի պատճառներով, երբեք չի կարող ուժեղ լինել իր

հարեւաններից: Սակայն ոյժը՝ միայն նիւթական ազդակները չեն, այլ եւ մի ժողովրդի առաքինութիւնները:

Կայ հոգեբանական գերադասութիւնը, կայ բարոյական ոյժը –

աշխարհի պէս հին, բայց միշտ էլ թարմ եւ հրաշագործ, որին տիրապետող

ազգը քիչ անգամ է գլուխ ծռել իրենից նիւթապէս տասնապատիկ ուժեղ թշնամու առաջ: (Էջեր իմ օրագրեն, Կահիրէ, 1924թ.)

137. Հայ մարդը, իմաստասիրական ջանքի պակասի պատճառով, «նոր սերունդ» հասկացողության մեջ դնում է միայն կենսաբանական բովանդակություն: Նորը, ըստ այդ վերջինի, որդիներն են, հինը՝ հայրերը: (Նոր սերունդը «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 4)

138. Որակի՝ ազգ էինք երէկ: Չաղէտուելու եւ չկորչելու համար՝ վերստին պիտի դառնանք այդպիսին՝ հրամայողաբար: Անվերջ որակաւորուելու, ազգ դառնալու պրոցեսի մեջ են բոլոր ժողովուրդները: Իբրեւ ոգու ժողովուրդ՝ մեզ համար աւելի հեշտ է որակաւորուել: Աշխատենք դառնալ «թանկարժէք քար», որպէսզի «ծանր կշռենք եւ շատ արժենք»: Դա՛ է պահանջում մեզանից ազգային բարոյականը, մասնաւորապէս մեր բնաշխարհից դուրս: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

139. Ողբերգօրէն երջանիկ 1918-ի ընթացքում հայութիւնն ունեցաւ իր քաղաքական Աւարայրը Արարատի ստորոտում: Իր դարաւոր նկուն եւ անփառունակ գոյութիւնից դժգոհ՝ մեր ցեղի ոգին իրեն տիրական ու մեծ զգալու կարիքից խթանուած՝ բարձրացրեց հայոց անկախ պետութեան շէնքը, որի գրանիտէ հիմքը դրուած կը մնայ **աստուածաշունչ որդիների** նշխարների՝ Վրայ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

140. Եթէ չկայ հասարակական արդարութիւն, ասել է՝ կայ այն ամէնը, ինչ որ արագացնում է անփառունակ անկումը պետութիւնների: Իսկ այնտեղ, **ուր թագաւորում է աստուածային օրէնքը**, այնտեղ ընչազուրկին եւ անարիին փոխարինում է արի եւ անկարօտ քաղաքացին: Իսկ այնտեղ, ուր չկայ ընչազուրկը, անարին, վատը, այնտեղ չէ երեւում արտաքին թշնամին հրով եւ սրով, այնտեղ բարգաւաճում է եօթնիցս օրհնուած, ապահով ու երջանիկ հայրենիքը: (Հիշիր պատերազմը: («Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

141. մարդկային իդէալ վիճակի, երբ պատերազմը սպանած կը լինի պատերազմը, երբ կը դադարի պայքարը, տեղի տալով կատարելագործուած եւ հաւասարապէս յարգուած ժողովուրդների եղբայրութեան առջեւ: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

142. Յեղակրօնութիւնը այլ նպատակ չունի, քան տարագիր հայութեան մեջ արթնցնել ցե՛ղը, ցեղայի՛նը, միաժամանակ՝ թարմացնելով իր պատմական յիշողութիւնը — զայն մի՛ եւ անբաժան ազգի վերածելու համար: (Յեղիմաստություն «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 8)

143. Մի ժողովրդի ինքնագիտակցումը հնարաւոր է միայն իր պատմութեան միջոցաւ: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

144. Ժողովուրդներն այն չափով են ազգ, ինչ չափով որ բիրեղացած եւ զօրաւոր է այդ ինքնագիտակցութիւնը: Չկա՛յ աւելի մեծ յանցանք, ուրացում, քան՝ իր սեփական պատմութեան անձանօթ լինելը: Նմանը զուրկ պատմական զգացումից եւ յիշողութիւնից — ազգ չէ՛: (Խոսաբցություն մը գորավար Գ.Նժդեհի հետ «Ռազմիկ», 1943թ., թիւ 169-174)

145. ազգային ինքնաճանաչութեան, որն իր սնունդն առնում է **մեր պաշտամունքից դէպի այն ամէնը, ինչ որ գեղեցիկ է, վսեմ եւ հերոսական հայրենի պատմութեան մեջ:** (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

146. Փորձեցէք մի վայրկեան մոռացութեան տալ հայ խաչի, այբուբենի ու սրի հերոսներին, եւ էլ ոչինչ կը մնայ, որ իրաւունք տայ մեզ ազգ կոչուելու: Հոգեւոր անապատի կը վերածուի մեր կեանքը, պատմութիւնը: Դպրոց, եկեղեցի, ընտանիք կը

կորցնեն իրենց բարոյական բովանդակությունն ու խարխիւր: Կը ցամքին ստեղծագործ ոգեւորութեան բոլոր աղբիւրները: (Հիշիր պատերազմը: «Հայրենիք» Օրաթերթ, Բոստոն, 1930թ)

147. նորին — ցեղօրէն դիմորոշուած, երկուութիւնից, կեղծիքից, ստորութիւնից զերծ, բարոյապէս առողջ ու ամբողջական մարդուն»: Ասացի՝ այդ նոր մարդու համար է աշխատում մերօրեայ պատմութիւնը: (Ինչու տարոնականություն «Տարօնի Արծիւ», Սոֆիա, 1938թ. , թիւ 5-6)

148. Յեղը — դա յաւիտենական քանդակագործն է, նոր սերունդը՝ կենդանի մարմարին նրա ձեռքում: (Մեր նոր սերունդը «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 5, 7)

149. Յաղթահարել նիւթը — զրկել ժամանակն իր կապարից, ցան՝ իր սրութիւնից, լեարդ պատառոտող անգղին՝ իր ճիրաններից — ահա՛ գերագոյնն արւեստներից՝ մայրը բոլոր արւեստների, որոնց ծնունդ է տւել մարդը: (Ռազմիկը չի մեռնում, 1955, մայիս)

150. Կա՛մ վերանորոգուի՛ր, կա՛մ մեռի՛ր — գոռում է նոր օրը: (Հայու ճամբան՝ մեծ գղջումի ճամբան «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 24, 25)

151. Միայն ազգասէ՛րը կարող է սիրել է՛ւ մարդկութիւնը: (Էջեր իմ օրագրեն, Կահիրե, 1924թ.)

152. Սուր եւ գրիչ — ասուածայի՛ն զենքեր, տրւած մարդուն՝ պաշտպանելու իրաւունքն ու սրբութիւնն աշխարհում — իմ ձեռքում էլ յաճախ փոխարինեցին իրար: (Անձնավկայի թիվն)

153. Ամենասրբազանը խաչերից, միաժամանակ եւ ամենաձանրը — դա ճակատագիրն է հարազատ ժողովրդի: Այն կրողին է՛ւ վա՛յ, է՛ւ պատի՛ւ եօթնիցս: (Ռազմիկը չի մեռնում, 1955, մայիս)

154. Աստուած — դա տառապում է մարդկային ամէն մի կաթիլ արցունքի, անազատ ազգերի ամէն մի հառաչանքի մէջ: ([Գ. ՆՏԴԵՇԻ ԴԱՄԲԱՆԱԿԱՆ ՃԱՌԸ](#) [ԼԵՈՊՈՎԻ ԴԱԳԱՂԻ ԱՌԱՋ](#) «Ռազմիկ», 1941թ., թիւ 9)

155. Մի ժողովուրդ, որ Քրիստափորի թողած անմեռ արժէքների գիտակցութեամբ եւ պաշտամունքով կը շարունակէ գոռալ մարդկութեան երեսին. «Ոչ ոքի ի վնաս, իմ եւ մարդկութեան երջանկութեան համար անկախ ապրիլ կ'ուզեմ»: (Նժդեհի ճառը՝ հաէ հեղափոխական արարչին արտասանված 1924 թվականին, Սոֆիայի գերեզմանատան մէջ, Քրիստափոր Միքայելյանի հուշարձանի բացման առթիվ: «Հայաստան», Պլովդիվ, 1924թ., թիւ 29)

156. См. примечание 2.